

1 сентября..

Для и я вместе навсегда

Любовь Чи

НАИВНОСТЬ

ЧАСТЬ 1

ЛЕЧИТСЯ СМЕРТЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Любовь Чи

НАИВНОСТЬ

ЛЕЧИТСЯ СМЕРТЬЮ

<https://litres.ru/73825976>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная школьная сделка между капризной «принцессой» Эльвирой и тихим ботаником Андреем запускает цепную реакцию, в центре которой оказывается его дерзкий брат Артём.

Осенний лагерь «Долина Мира» должен был стать местом свободы, но превратился в ловушку. Мир рушится под натиском эпидемии, превращающей людей в кровожадных «ходячих». Андрей оказывается не просто ботаником, а хранителем древних законов леса, способным управлять теми, кто уже не является людьми.

Но настоящий ад начинается, когда лагерь захватывает таинственный кукловод Виктор, для которого все обитатели — лишь материал для чудовищного эксперимента.

Эле предстоит пройти путь от наивной школьницы до узницы, чьё тело и разум становятся полем битвы двух хищников. Играя роль покорной любовницы, она вынуждена шпионить и притворяться, чтобы спасти тех, кто ей дорог. Но какова

цена выживания, когда настоящие монстры скрываются за человеческими лицами?

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	36
Глава 4	44
Глава 5	51
Глава 6	61
Глава 7	80
Глава 8	116
Интерлюдия: Мысли Артёма после поцелуя	136
Глава 9	140
Глава 10	147
Глава 11	152
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Любовь Чи НАИВНОСТЬ ЛЕЧИТСЯ СМЕРТЬЮ

*Есть места, где земля помнит всё.
Каждый шаг, каждый шёпот, каждую каплю
крови, пролитою не вовремя. В городе шум
заглушает память — машины, голоса, музыка.
Но в лесу тишина.
А в тишине, как известно, просыпается эхо.
Роксель-Парк был красивым районом.
Ухоженные улицы, ровные газоны,
дома с улыбчивыми окнами.
Дети играли в футбол во дворах,
матери обсуждали школы и кружки,
отцы возвращались с работы к ужину.
Всё было правильно.
Всё было... безопасно.
Но за внешним лоском всегда таится трещина.
Та, куда рано или поздно прорастает страх.
Лагерь «Долина Мира» казался продолжением
этой иллюзии — цветные корпуса, озеро,
расписанные вожатými стенгазеты.
Родители вздыхали с облегчением:
дети будут под присмотром,
подышат свежим воздухом,
найдут новых друзей.
Никто не говорил им о легендах.
О тех, кто уходил в лес и не возвращался.*

*О тихих шагах за окнами после отбоя.
Говорят, наивность лечится смертью.
Это не метафора. Это диагноз, который
ставит жизнь тем, кто слишком долго верил,
что зло — это только в кино, а монстры живут
под кроватью, но не за забором.*

*Эльвира Струнбрич была принцессой.
Не потому, что хотела ею быть,
а потому что так сложилось.
Красивая, дерзкая, привыкшая
получать то, что она хочет. Конкурсы, победы,
взгляды мальчишек — всё это было её воздухом. Она
не знала, что такое быть второй.*

*Она не знала, что такое проигрывать.
Артём был тем, кто смотрел на неё
исподлобья и притворялся, что ему всё равно.
Он привык быть лидером в своей стае, решать всё
кулаками и грубостью. Но перед ней он всегда
чувствовал себя мальчишкой,
застрявшим на детской площадке.*

*Андрей был тенью брата. Умный, тихий,
незаметный. Тот, кого не выбирают. Тот, кто
умеет ждать, анализировать и видеть то,
что другие пропускают мимо глаз.*

Он не искал внимания.

Он искал ответы.

*Они встретились в лагере,
который стал не каникулами, а капканом.*

*Но, может быть, самое страшное — это не лес.
Не те, кто бродит по его тропам. Самое страшное
— это то, что просыпается внутри. Ревность, что
разъедает сердце. Страх, что*

заставляет предавать. Желание выжить
любой ценой — даже если эта цена
— собственная душа.

Наивность лечится смертью.

Одни умрут телом. Другие — душой.

Третьи — и тем, и другим.

Вопрос только в том,

кто из них успеет понять это до того, как
лес примет их в свою коллекцию навсегда.

Время пошло.

Жёлтый автобус уже стоял у школьных ворот.

Кто-то смеялся,

кто-то обнимался на прощание с родителями.

Никто не знал, что это последний раз, когда они
видят друг друга такими

— живыми, наивными, ещё не знающими
цены слову «никогда».

Это история не о героях.

Это история о тех, кто опоздал стать героем.

Но кто знает — может быть, именно
в падении и рождается истинная сила.

Глава 1

Артём и Андрей, два брата-акробата, жили в прекрасном районе большого мегаполиса — Роксель-Парк. Их мать, женщина строгих правил, сама собрала огромные коробки с подарками, когда братьев пригласили на день рождения к соседке — Эльвире Струнбрич. Семья Струнбрич была зажи-

точной, но братья толком не знали Эльвиру и не дружили с девочками вообще. Просто соседка.

Время летело быстро и расставило всё по своим местам. Артём стал мальчиком из команды бойцов и задирой, ходит в военную школу, Андрей — зубрилой и маминым любимцем, которому оставалось только время от времени чесать за ушком, как собачке. А Эльвира... Эльвира стала принцессой.

— Эй, придурок! — крикнула Эльвира вдогонку школьнику, который пронёсся мимо и явно нечаянно задел её плечо. — Не видишь, куда летишь, что ли?

— Извини! — отозвался тот уже на бегу.

Эльвира, не поднимая глаз на удаляющуюся спину, проворчала себе под нос: «Придурки бешеные. Опаздывают вечно. Теперь сиди тут, собирай содержимое рюкзака». Она присела, собрав разбросанные учебники и тетради, затем выпрямилась во весь рост и поправила школьную форму.

К ней в этот момент подошла одноклассница.

— Привет, Елена. Ты сегодня — свежачок. Бассейн тебе явно на пользу.

— Спасибо. Ты права, давай вместе ходить? Подумаешь?

— Подумаю. Ирен, надеюсь, звать с собой не будем? Она странная. Хотя и клёвая, и всё это в совокупности... вроде бы хорошо. Но иногда она меня бесит, дерская очень, хуже меня.

— Мы не можем её продинамить, мы же давно дружим. Это будет не очень с нашей стороны.

— Говоришь праведные вещи, как моя ма-ма, — усмехнулась Эля.

Елена улыбнулась в ответ и махнула рукой в сторону класса. Девчонки поспешили на урок. Сегодня была контрольная по алгебре.

У Эльвиры не получалось решить даже половину заданий. Паника начинала подступать комом к горлу.

— Можно выйти? Срочно, — подняла она руку, едва сдерживая дрожь в голосе.

— Иди, — кивнула учительница, не отрываясь от журнала. — Недолго только.

Эльвира зашла в пустой школьный туалет, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. «Все поедут, а я — нет. И всё из-за этой чёртовой двойки!» Осенний лагерь, ярко анонсированный рекламным баннером у школы, маячил перед ней как награда, которую вот-вот отнимут. Она стремительно выскочила из кабинки и — врезалась в кого-то, едва не сбив с ног обоих. Парень оказался устойчивее и инстинктивно схватил её.

Они замерли. Время будто остановилось. Эля смотрела в знакомые глаза — это был тот самый школьник, что промчался утром мимо. Он смотрел на неё, и в его взгляде читалось то же замешательство.

— Эль... Извини, — наконец выдохнул он, не отпуская её. — Я опять. Я не специально, правда. День сегодня... какой-то... не очень.

— По ходу, я контрольную завалила, и меня не отпустят в этот осенний лагерь, — выпалила Эля, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — А я туда очень хочу.

— Какой вариант тебе достался? — спросил он, всё ещё держа её.

— Десятый.

— Ого, — брови парня поползли вверх. — У меня тоже был десятый. В том году.

И тогда Эльвира, словно прорвав плотину, выложила ему все свои мучения с задачами. Он слушал, кивал, а потом взял её руку и прямо на ладони коротко, чёткими символами, вывел ответы и ключевые шаги решений.

— Спасибо, — прошептала она, впервые за день по-настоящему улыбнувшись.

— Не за что. Беги, а то опоздаешь сдать.

Она кивнула и рванула прочь, обернувшись на повороте: «Встретимся потом!»

В классе учительница, Ольга Георгиевна, уже металлически цокала длинным ногтем по столу.

— Эльвира, где столько можно ходить? Присаживайся. Сейчас уже сдавать работу, а у тебя лист пустой. Пиши быстрее.

Эля, не поднимая головы, принялась переносить на чистовик всё, что было написано у неё на ладони. Рука дрожала от волнения.

— Пять минут, и сдаём. Кто не успел — тот не успел, —

голос учительницы прозвучал прямо над её ухом.

Через мгновение по классу прошёл староста, собирая работы. Когда он подошёл к Эле, она с облегчением протянула ему исписанный лист.

Остаток урока прошёл в тумане. Эля не слушала новую тему, её мысли были в лагере, среди осеннего леса и обещанной свободы.

Прозвенел звонок.

— Эль, ты где так долго была? У Оль-хи-Геор-хевны, — язвительно растянула имя учительницы Елена, — собралась уже за тобой разведчика посылать.

— Я... носик пудрила. Поняла?

— Поняла. В туалете.

— Эй, сколько тебе можно повторять? Нет — носик пудрила. Даже если ты там ..., понятно? — отрезала Эля, но беззлобно, нахмутив брови.

— Понятно, понятно. Кушать пойдём? В столовой сегодня котлеты.

— Пойдём, конечно.

— А ты не боишься поправиться? Ты и так не худая, — заметила Елена.

— Не боюсь. Поправиться пусть боятся вешалки в шкафу. Ну и не буду худой, что теперь? Вот моя мама никогда худой не была, а папа с неё пыль сдувает — боится, как бы она на неё не села, пыль эта зловредная.

— А мои родители из-за каждого маминого лишнего

грамма ругаются, — вздохнула Елена. — Папа даже чуть не подал на развод, когда мама из-за гормонов поправилась на пять килограмм. И меня теперь гоняют, чтобы лишнего не ела.

— Сочувствую. Но если бы у меня было так же плохо с внешностью, вряд ли я в прошлом году выиграла бы «Мисс Восходящая Звезда».

— Завидую тебе. И твоей маме.

— Не стоит. У нас «своих тараканов» — полон дом. Не в силах разогнать.

Зайдя в шумную столовую, взгляд Эли сразу же выхватил из толпы знакомую фигуру. Тот самый школьник сидел один за угловым столиком, углублённый в учебник. Купив еды, она без колебаний направилась к нему. Елена, удивлённо приподняв бровь, последовала за ней.

— Можно с тобой... ? — Эля поставила поднос на стол.

Парень вздрогнул и поднял глаза. Казалось, еда у него в горле застряла. Он молча махнул головой.

— Спасибо, что помог, — продолжила Эля, садясь напротив. — Проси что хочешь — за помощь должна буду.

Он медленно прожевал, его взгляд стал изучающим.

— Нет... не надо.

— Ну, если надумаешь — сообщи. Я добро не забываю.

Елена, молча уплетая котлету, наблюдала за ними, перекидывая свой взгляд то на Элю, то на парня. Обед продолжился в неловком, но не тягостном молчании.

— До встречи, — сказала Эля, поднимаясь.

Парень снова просто кивнул.

Отойдя подальше от столовой, Елена не выдержала:

— Ты его знаешь?

— Нет. Он мне с контрольной помог.

— А я его знаю. Его, наверное, все знают, кроме тебя, получается. Андрей Мега-Мозг. Зубрила местная, от школы везде на олимпиады ездит. Препады и директор на него молятся — честь школы защищает.

— Да-а-а? — протянула Эля с лёгкой язвительной усмешкой.

— А мне его постоянно в пример ставят. Чуть что: «Вот плохо, что ты не тянешься к знаниям, как Андрюша из вашей школы. Кому же такое золото достанется?»

— Ну, пока что — только его родителям, — громко расхохоталась Эля. — Ладно, ладно... чёрт с эти мозгом. Я хочу в лагерь. Там будет полная свобода. Что хочешь, то и делай.

— Ага, прям что хочешь? А устав и режим? Нет? Соблюдать не будешь?

— А кто соблюдает правила на сто процентов в лагерях?! Будем предоставлены сами себе. Только бы оценки не испортились, а то родители забанят и закроют на каникулы с книгами. Надо это исключить. Мне нужен этот Андрей. И срочно.

— Для чего?

— Буду таскать его домой. Пусть родители видят — я

усердно занимаюсь, он меня поднатаскивает. Если появятся вопросы по успеваемости, мне будет что ответить: «Я же старалась, мам, вы видели». Идеально.

— Думаю, мои родители тоже в курсе про такое счастье, как Андрюша. Моя мама же общается с твоей — вряд ли они не делятся такими моментами, особенно, кто как учится, наверное, любимая тема дня.

— Пошли, урок начинается. Потом обсудим.

После последнего звонка они неторопливо пошли домой. Выйдя за школьные ворота, Эля заметила знакомую сцену: несколько крепких парней из старших классов окружили двоих — Андрея и его годзилу-друга. У одного из них уже вырвали рюкзак и вытряхивали содержимое на асфальт.

Эля и Елена ускорили шаг.

— Привет, мальчики! — кокетливо пропела Эля, подходя вплотную.

Хулиганы обернулись. Узнав её, их наглые физиономии слегка смягчились.

— Эльвира, привет, — заревели они хором, брызгая слюной.

— Что тут происходит?

— Да вот... хотим поговорить, а они не в настроении...

— Ага, «поговорить» — и сразу вещи портить, — грозно, но сдержанно промычал годзила, друг Андрея, не сводя глаз с своего растерзанного рюкзака.

— Мальчики, вы идите, — сладко пропела Елена. — Нам

эти... ботаны нужны.

Эля молча поддержала её кивком.

— Может, я могу чем помочь? — неестественно сладко протянул один из забияк, явно пытаюсь произвести впечатление, сделав шаг вперёд.

— Вряд ли, — холодно бросила Эля и показала пальцем в сторону. — Идите. Я сказала.

Хулиганы поёжились. Авторитет «принцессы» Роксель-Парка работал безотказно. Побросав на землю остатки вещей, они нехотя поплелись прочь, бормоча что-то невнятное под нос.

— Придурки! Надо их... да я бы их... вот так бы!.. и этак!... — друг Андрея размахивал руками, изображая немыслимые приёмы.

Андрей молча положил ему руку на плечо, унимая. Его взгляд был тёмным и настороженным. Он смотрел на Эльвиру.

— И зачем мы вам нужны? — сухо спросил он.

— У меня к тебе деловое предложение, — чётко выговорила Эля, глядя ему прямо в глаза. — Ты поможешь мне с учёбой, а я помогу тебе. Нужно будет приходиться ко мне пару раз в неделю до конца четверти. Желательно — домой.

— К тебе домой? — переспросил годзила, изобразив на лице ужас, будто она приглашала Андрея в подземелье к дракону.

— Ко мне, — подтвердила Эля, не моргнув глазом.

— Андрей, ты пойдёшь к девочке домой...? — прошептал друг, и в его голосе звучало неподдельное изумление.

Эльвира от удивления высоко подняла брови.

— А я тем временем сделаю всё, чтобы тебя перестали чмырить в школе. Согласен?

Андрей долго смотрел на неё. В его глазах мелькали расчёт, недоверие и... любопытство. Наконец он кивнул.

— Согласен. Когда мне... к тебе?

— Завтра. Сразу после школы.

— Хорошо.

Они разошлись. Андрей с другом медленно потопали в сторону своих домов. Эля шла, сияя от победы — первый шаг её плана был сделан. Его друг всё ещё оглядывался на них, глядя на девочек так, будто они были не школьницами, а загадочными и опасными существами из другого мира.

Елена шла рядом и тихо смеялась.

— Ну что, принцесса? Запустила свои лапки?

— Молчи, — усмехнулась Эля, но в глазах горел азарт. — Это только начало.

Глава 2

Следующий день обошёлся без контрольных. Эльвира с подругами после уроков сходили на тренировку по волейболу. У школы она распустила девочек, а сама осталась стоять на крыльце, поджидая Андрея.

Не прошло и пяти минут, как на пороге появились двое — Андрей и... Артём. Эльвира невольно напряглась.

— Привет, Артём. Андрей, привет, — поздоровалась она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Привет, кукла, — грубо бросил Артём, остановившись.

— Чего надо?

— Мне ничего.

— А чё всколыхнулась тогда, раз ничего? — его ухмылка была вызывающей.

Из школы начал вываливаться народ. Эльвира опомнилась: сейчас ей совершенно не нужны публичные разборки. Хоть Артём ей и нравился, он был проблемным мальчиком — как открытый огонь, к которому страшно и заманчиво прикоснуться.

— Андрея жду, — чётко сказала она.

Артём медленно повернулся к брату, скользнул по нему насмешливым взглядом и скривился в преувеличенно-вопросительной гримасе.

— Ого, Андрюшка! Мамка узнает, что ты с девочками

дружишь, а не с книжками, — напорит тебе попку. Или ещё хуже — разочаруется в тебе и причислит к моим рядам. Вот беда-то тогда будет, — он перевёл взгляд на Элю, и в его глазах заплясали весёлые чертики. — А ты это... его не шокируй. И целоваться, если что, не лезь. А то потеряем нашего птенчика, — он сделал вид, что плачет, потирая кулаками глаза.

Эля смотрела на его дурацкие выходки, и почему-то они не казались ей такими уж глупыми. Всё потому, что он ей нравился. В его грубости сквозила какая-то дикая, необузданная энергия, которой не хватало её размеренной жизни.

Артём, не дожидаясь ответа, лишь усмехнулся и, закинув рюкзак на одно плечо, направился к калитке, скрываясь за бетонным забором.

— Извини его, — пробурчал Андрей, опустив глаза. — Он иногда бывает груб. Не хотел обидеть, — отвернулся и прошептал себе под нос, — наверное.

Эльвира не стала ничего говорить. Вместо этого она подошла к Андрею вплотную, положила руки ему на плечи. Он замер, глаза округлились. Затем она обняла его, прижавшись головой к его груди. Школьники, выходящие на улицу, замедлили шаг. Замолчали. Эля подняла одну руку и запустила пальцы в его мягкие каштановые волосы. Андрей напрягся, как струна. Шёпот пронёсся по толпе.

Сделав паузу ровно на три секунды, Эля резко сменила положение — взяла Андрея за ладонь и потянула за собой,

прочь со школьного двора. Только когда школа и любопытные взгляды скрылись из виду, она отпустила его руку.

Андрей стоял, ошарашенный, его щёки пылали.

— Что ты так на меня смотришь? — фыркнула Эля, продолжая идти. — Я же сказала: с моей стороны сделаю всё, чтобы тебя перестали чмырить. Вот, начало положено. Только, пожалуйста, — она остановилась и посмотрела ему прямо в глаза, — если будут спрашивать, максимум, что ты можешь подтвердить — что мы целовались. Больше ничего не фантазируй. Хорошо?

— Я... понял, — выдавил он. — Спасибо.

— Пока не за что, — она широко распахнула глаза, в них играли весёлые искорки, и снова зашагала.

Зайдя в просторный дом Струнбричей, Эля крикнула:

— Мам! Пап! Кто дома?

В ответ — тишина.

— Никого. Ну, пошли в мою комнату.

Сначала разговор не клеился. Андрей сидел на краешке кресла, скрючившись, будто ожидал подвоха. Но потом, заговорив о предстоящей олимпиаде по физике, он вдруг преобразился. Глаза загорелись, слова полились легко и уверенно. Он оказался не просто зубрилой, а фантастическим рассказчиком, умеющим оживлять сухие формулы. Он говорил

о звёздах так, будто сам летал между ними, о законах физики — как о хитрых, но понятных правилах игры. Эля слушала, подперев подбородок ладонью, и даже ненавистная география в его изложении превратилась в захватывающее путешествие. Мысль «а ведь учиться может быть интересно» впервые за долгое время посетила её без отторжения.

В проёме двери возникла тень. Раздался звук демонстративного кашля.

— Здравствуй. У нас гость, — сказала Эля, не оборачиваясь.

— Здравствуй. Андрей, — удивлённо произнесла мама, Элла Струнбрич. — Рада тебя видеть в гостях.

— Здравствуйте, — Андрей чуть не подпрыгнул на месте и опустил глаза, словно красная девица, застигнутая врасплох.

— Мам, он тут по делу, — быстро вставила Эля. — Помогает мне более... расширенно познать некоторые школьные предметы.

— Да? Ну, хорошо, — мама улыбнулась, но в её взгляде читался живой интерес. — Я вкусняшек принесла. Минут через пятнадцать спускайтесь, чаю попьём.

— Ладно, мам. Посмотрим, может, и спустимся.

Андрей поднял глаза на Эллу. Та тепло улыбнулась ему в ответ и исчезла в коридоре.

— Ты так интересно рассказываешь, я заслушалась, — призналась Эля, когда дверь закрылась. — А вы с Артё-

мом... дружите?

Он на мгновение замер, а потом грустно усмехнулся.

— Ты нас не помнишь? Мы же соседи. Он мой брат.

Эля задумалась, перебирая в памяти обрывки детства.

— Если честно, не особо. Артёма только. Помню, как он перебил все банки с зимними закрутками в подвале. Мама ваша на него так орала... Он, между прочим, хотел меня угостить своим любимым вареньем. Стул отъехал, он повис на стеллаже и... — она махнула рукой улыбаясь. — Продолжение ты и сам знаешь, наверное. А тебя... прости, не помню.

— Ну, раз так... Ничего страшного.

— Знаешь, Андрей, ты — интересный собеседник. Реально много знаешь всего такого, что в школе до нас не доносят или не успевают, может, не хотят. Кстати, — она прищурилась, — ты в осенний лагерь едешь?

— Еду. И Артём тоже, — ответил он, и в его голосе прозвучала лёгкая, привычная грусть.

— Пойдём, что ли, и вправду чаю попьем. Мама сказала, вкусняшек купила.

На кухне их ждал целый пир: пирожные, печенье, вазочки с джемом. В воздухе витал успокаивающий аромат мяты из заварочного чайника.

— Андрей, а что ж ты к нам раньше-то не приходил? Или приходил, только я не видела? — завела разговор мама, явно прощупывая почву. Первый мальчик, которого дочь привела домой в десятом классе — это было событие. Версия о юно-

шеской влюблённости витала в воздухе.

— Я... впервые у вас, — честно ответил Андрей.

Чай пили не спеша. Эля, откусив кусочек эклера, заявила:

— Андрей теперь будет частым гостем. Будет меня поднастаскивать по предметам, чтобы оценки улучшить.

Мама медленно отпила из чашки, её взгляд скользнул от дочери к гостю и обратно.

— Я рада. Замечательно. Тем более скоро конец четверти, и твои оценки решат, поедешь ли ты в лагерь на каникулы.

— Я поеду, — с той же лёгкой грустью произнёс Андрей.
— И там бы мог тоже заниматься с Эльвирой. Следующую четверть точно вытянул бы её на «отлично».

Эля ликовала внутри. Это была не удочка, а целый булыжник на верёвке, закинутый прямым в материнское сомнение. Элла явно была довольна.

— Ну, тогда и договорились. Решено — Эля едет в лагерь. Тем более такие... перспективы на горизонте.

Проводив Андрея до двери, Эля махнула ему рукой:

— Пока!

Андрей что-то невнятное промычал в ответ..

Она закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и улыбнулась. План работал. Но что-то щемящее и новое, помимо радости от удачной аферы, шевельнулось где-то глубоко внут-

ри.

На следующий день в школе к ним с Еленой примкнула Ирен, пропустившая пару дней по болезни.

— Привет, девчонки!

Поздоровавшись, они образовали свой привычный треугольник. Проходящие мимо школьники поглядывали на них и перешёптывались.

— Что в школе нового? До меня дошли слухи, Эльвир, — Ирен язвительно ухмыльнулась, — что ты по рукам пошла.

Елена многозначительно качнула головой. Отойдя в сторонку, они втроём, создав живой щит от посторонних ушей, быстро выложили Ирен всю историю. Та слушала, широко раскрыв глаза.

— Воот... — протяжно вздохнула Елена, заканчивая рассказ.

— Стоило отлучиться — и тут такие страсти, — покачала головой Ирен.

Мимо них, окружённый своей бойкой компанией, прошёл Артём. Его взгляд, тяжёлый и недовольный, на секунду задержался на кучкующихся девчонках.

— Привет, — робко бросила ему вдогонку Елена.

Ответа не последовало.

— Обиделся, что ли? — проводив его взглядом, пробормотала Эля. — Братья, а такие разные. Я-то думала, Андрей — полный ботан. А он так про географию рассказывал, что я после его ухода часа два над контурными картами зависала, всё разглядывала. А вы ж в курсе моих отношений с географией.

Вскоре начался совмещённый урок физкультуры с 11 «Б», где учились оба брата. Женская раздевалка была битком набита, воздух гудел от голосов и пах потом и дешёвым дезодорантом.

— Ну кто придумал физру на первом уроке? Что за тираны! Потом весь день воняй, — возмущалась одна из одноклассниц.

Эля копошилась дольше всех, никак не могла натянуть упрямые кроссовки. Выскочив в узкий коридор, соединяющий раздевалки, она буквально врезалась в чью-то грудь. Перед ней был Артём.

Он резко изменился в лице. Вместо того чтобы отойти, он сделал шаг вперёд. Эля инстинктивно отступила, пока её спина не упёрлась в холодную кафельную стену.

— Ты чё? — выдохнула она.

— Я — ничего. А ты чё? — его усмешка была колючей. Он приближался, не оставляя ей пространства для манёвра.

— Сменила ориентир? Теперь с зубрилами зависаешь? — не дав ей и рта раскрыть, продолжил, понизив голос до опасного шёпота: — Знай, предательство страшнее чумы. И если ты решишь вернуться в мою компанию, я тебя обратно не приму. Поняла? — он легко, почти нежно, коснулся кончиком пальца её щеки, затем резко развернулся и скрылся в мужской раздевалке.

Сердце у Эли колотилось где-то на пределе понимания, что вот-вот оно выпрыгнет из груди. Он был прав. И от этой правоты становилось одновременно страшно и... жарко.

На уроке играли в волейбол. Эля краем глаза заметила, как Артём, стоя на подаче, не сводит с неё тёмного, сосредоточенного взгляда. «Почему он сменил пластинку? — металась она в мыслях. — Раньше для него я была просто одной из многих. А теперь... Из-за Андрея? Ревность? Но к кому?»

После игры, направляясь к раздевалкам, к ним подошёл Андрей.

— Ваш класс хорошо играл.

— Спасибо, — кокетливо протянула Елена.

Рядом материализовался Артём с парой своих приятелей. Он небрежно закинул тяжёлые руки на плечи Эле и Елене.

— Вы сегодня придёте к Игорю на тусу? — спросил он, но смотрел только на Эльвиру.

— Конечно, придём! — воскликнула Елена.

Лицо Артёма нахмурилось.

— У нас сегодня занятие с Андреем, — сказала Эля.

Андрей, стоя напротив, подтвердил кивком.

— Я уверен, что ты придёшь, — Артём не отводил взгляда. Убрал руку с её плеча. — Ты знаешь, что будет, если не придёшь. — Повернувшись к своим, бросил: — Пошли.

Андрей, немного постояв в неловком молчании, пробормотал «Я пойду» и направился к своему классу.

— Что он имел в виду, Эль? — первой нарушила тишину Ирен.

— Имел в виду, что больше не пустит меня в свою компанию. А может, и вас тоже.

— Почему? — искренне удивилась Елена.

— Сказал, я переметнулась к зубрилам. Наверное, из-за Андрея.

Подруги синхронно приподняли брови.

— Что за бред? — не сдержалась Елена. — Он тебя раньше и не замечал-то! Пока... пока ты не начала общаться с Андреем. Точно. Виновен Андрей.

— Прекратите! Он тут явно не виноват.

— Ага, — громко и чётко произнесла Ирен, так что несколько человек обернулись. — Артём прав. Ты начинаешь испытывать чувства к этим... заучкам. Что с тобой, Эля? Или ты... влюбилась?

— Что так громко?! — зашипела Эля, закидывая пряди волос за уши. — Говори тише! На нас смотрят! Нет, это не так!

Но внутри всё перевернулось.

После уроков Эля, как и договаривались, ждала Андрея на крыльце. Первым, будто пар из кипящего котла, вырвался Артём. Он швырнул на неё короткий, пронзительный взгляд — смесь злости, обиды и чего-то ещё, чего она не могла понять, — и исчез в толпе. Затем вышел Андрей.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Не знаю. Артём сегодня не в духе. Впрочем, как и всегда, — он пожал плечами. — Пойдём.

— А тебя Игорь пригласил к себе на тусовку?

— Я не хожу на такие мероприятия.

— А со мной пойдёшь?

— С тобой... — он замолчал, и тишина повисла между ними плотной завесой. — Я не знаю... — уставился в асфальт.

— Со мной. Пошли со мной, — настаивала Эля, и когда он повернул к ней лицом, она впервые по-настоящему разглядела его. Не «ботаника», а парня. Крупного, высокого, с мощным профилем. Курносый нос, пухлые, будто покрашенные губы... Она машинально облизнула свои, когда её взгляд задержался на его губах.

— Давай сначала позанимаемся, а потом... решим. Может, и пойду... с тобой, — сказал он, и, заметив, что она его разглядывает, мгновенно покрылся краской смущения. Эля, спохватившись, отвернулась.

Занятие прошло на удивление продуктивно. Когда книги были убраны, Эля подняла глаза:

— Ну что, надумал? Пойдёшь? — не дожидаясь ответа, выпалила: — Иди домой и переоденься, посланец с другой планеты. Ориентир — твой брат. Вспомни, как он обычно одевается на такие дела.

Андрей что-то невнятно промычал себе под нос, собрал свои вещи и вышел.

Через полчаса он стоял под её окном. Эля, выглянув, за-

таила дыхание. Джинсы, обтягивающие длинные ноги, потёртая кожаная куртка-косуха, тёмная шапка... Он выглядел потрясающе. И опасно. Совсем не как «Андрюшка-Мега-Мозг».

Эля нарядилась соответственно: короткие джинсовые шорты поверх плотных чёрных колготок, грубые сапоги на шнуровке, объёмная футболка с вызывающей надписью «За мышками охотятся только кошки» и дурацкая шапка с ушами.

На вечеринке у Игоря было полно знакомых лиц. Сняв куртку, Андрей предстал во всей красе: под ней была простая серая футболка с мультяшной мышкой, печально сидящей в клетке. Ирония ситуации заставила Элю улыбнуться.

— Девчонки, привет! Мы пришли! — она помахала рукой Елене и Ирен, пробивавшимся через толпу.

— Мы? — Ирен поперхнулась своим коктейлем.

— Да, я с Андреем, — указала в его сторону рукой.

— Он же не ходит по таким местам, — недоверчиво протянула Ирен.

Но когда та заглянула за спину Эли, её челюсть отвисла. Елена просто остолбенела.

— Мой бог... Это Андрей? — прошептала Ирен. — Ка-

кой же он... красивый оказывается. А в школу ходит в этом дурацком свитере, как прирождённый чморила.

— Согласна на все сто, — кивнула Елена, а затем наклонилась к уху Эли. — Кстати, про тебя Артём спрашивал.

Девочки округлили глаза. Прямо за спиной Эли стоял Артём. Остановившийся рядом с подходящим к ним Андреем. Эля обернулась, оказавшись между двумя братьями.

— О... вот и ты. Меня спрашивал? — она указала на Артёма, пытаясь сохранить лёгкость.

— Зачем ты его сюда припёрла? — прорычал Артём, делая вид, будто Андрея не существует.

— Я его не «пёрла». Он своим ходом шёл, — засмеялась Эля, но смех получился нервным.

Артём внезапно схватил её за запястье. Его пальцы впились в кожу.

— Мне больно! Отпусти!

— Ты меня подставляешь!

— Отпусти её, — тихо, но твёрдо сказал Андрей, вступая в пространство между ними. — Я не говорил родителям, куда иду. Так что успокойся — тебе не влетит.

— Да ладно?! — Артём закипел, наконец обратив на брата весь свой гнев. — Какого чёрта ты вообще здесь? Сидел бы дома, обложившись своими книжками!

— Хватит! Прекратите! — крикнула Эля, и несколько человек поблизости обернулись. — Вы же братья! И не можете даже нормально разговаривать? Это фиаско, мальчики!

Она развернулась, чтобы уйти. Но Артём снова схватил её — на этот раз резко, почти грубо, притянул к себе и обвил руками, прижав так плотно, что у неё перехватило дыхание. Он обнял её так, будто она была самым дорогим, что у него есть, что он вот-вот потеряет. В глазах подруг застыл шок. Андрей сделал шаг назад, опустив взгляд.

Эля оторвала голову от его груди и подняла лицо. Его губы были чуть приоткрыты, а сердце билось так сильно, что она чувствовала его стук сквозь одежду.

— Что происходит? Для чего это? — прошептала она. Идиллию грубо прервала Ирен:

— Не смейте только целоваться сейчас! А то с нас потом твои поклонницы шкуру снимут. Пощади её.

Все вокруг смотрели на них, будто были свидетелями чего-то запретного, интимного и взрывоопасного одновременно.

Артём будто очнулся. Он ослабил хватку, и Эля отшатнулась, не в силах понять, что только что произошло. Не говоря ни слова, Артём развернулся и растворился в толпе.

— Андрей... Раньше такое бывало? Чтобы Артём себя так вёл? — спросила Эля, всё ещё чувствуя тепло его объятий.

— Не припоминаю, — тихо ответил он. — Тебе стоит с ним поговорить. Наедине.

Вечеринка продолжалась. В соседней комнате, развалившись на диване, сидел Артём. Его мгновенно окружили девушки в блёстках и коротких платьях, парни что-то говорили, смеялись. Он сидел на самом краю, перебирая пальцами одной руки, а взгляд его был прикован к Эле и Андрею, стоявшим в дверном проёме. К нему подседа Мира — та самая, с которой, как все думали, он «вроде как встречался». Артём положил свою беспокойную руку ей на колено, но глаза не отвел.

— Мы так и будем стоять в коридоре, или пойдём к остальным? — нарушила момент Ирен и уверенно направилась в комнату к Артёму. — Приве-ет! — начала она, целуя и обнимая знакомых.

Елена, Эля и Андрей просто кивнули присутствующим. И тут всё внимание переключилось на Андрея.

— О боже, кто это покинул свою клетку и явился к нам, падшим? — с преувеличенным интересом протянула Мия, одна из девушек из окружения Артёма. Сразу несколько её подруг прилипли к Андрею с одним и тем же вопросом: «А у тебя девушка есть?»

Андрей растерялся. Его взгляд метнулся к Эльвире, потом в пол, потом снова к ней. И тогда он выпалил, тыкнув пальцем в её сторону:

— Есть. Вот она.

В комнате на секунду воцарилась тишина. Артём резко поднялся с дивана, сбросив руку Миры, и, не отвечая на оклики, вышел. Все зашептались. Девушки отхлынули от Андрея, смотря теперь на Элю с новым, оценивающим интересом. Никто не хотел связываться с Эльвирой, от её настроения зависела отдача, которая может прилететь нападавшим к её персоне. Андрей не отходил от неё ни на шаг, будто боялся затеряться в этом шумном, незнакомом море.

Когда заиграл медленный трек, Андрей, к всеобщему удивлению, сам предложил:

— Потанцуем?

— А ты умеешь? — улыбнулась Эля.

— Я умный во всём, нет, не во всём, во многом, — он сделал шаг навстречу, и его руки легли на её талию уверенно, без прежней робости.

Кружась в медленном танце, он наклонился к её уху:

— Извини, что сказал про девушку. Я испугался, честно. Не привык к такому ажиотажу. Хочешь, я сейчас всем скажу, что пошутил?

— Поздно, — она тихо рассмеялась. — Надо было сразу исправляться. Теперь не прокатит. Знаешь, я, наверное, пойду. Устала.

— Провожу.

Попрощавшись с подругами, они вышли на прохладную осеннюю улицу. Всю дорогу болтали о пустяках, о детстве, о родителях. И неизбежно разговор свернул на Артёма.

— А что о нём могу сказать... — голос Андрея стал глуше. — Не любит он меня. Не понимаю почему. У него, вроде, есть всё. Вниманием не обделён.

— Понятно... А девушка у него есть? — спросила Эля, не удержавшись.

— И ты туда же! — он вдруг вспыхнул, и в его голосе впервые прозвучала резкость. — Я не знаю! Я не слежу за ним! Меня достали эти вопросы, будто меня здесь нет!

Он резко ускорил шаг, оставив её у калитки её дома. Не попрощавшись, он просто ушёл, растворившись в вечерних сумерках.

Эля поднималась в свою комнату, мысленно перематывая его слова, его внезапную вспышку, тепло Артёмовых объятий и холод его ухода. Приняв душ, она рухнула в постель. В ушах стоял шум от сегодняшнего дня, а перед глазами мель-

кали то насмешливые глаза Артёма, то смущённые — Андрея, то его же — гневные и ранимые. Сон накрыл её тяжёлым, беспокойным покрывалом.

Глава 3

Утренуя кухня пахла кофе и свежей выпечкой. Элла Струнбрич наливала себе чашку и с хитрым блеском в глазах обратилась к мужу:

— Андрей — такой умничка, что помогает Эльвире. Я думаю, она ему очень нравится.

— Конечно, кому такая красавица может не нравиться? — отец Эли, Михаил, отложил газету и улыбнулся.

Эля, намазывая масло на тост, поморщилась.

— Мам, прекрати. Он просто добрый и не умеет никому отказывать.

— А что, он ко многим домой ходит с репетиторством? — парировала мать, добавляя варенье в чай.

Эльвира задумалась. Действительно, она не слышала, чтобы Андрей кого-то ещё «спасал». Она промолчала, продолжив завтракать.

— Вот именно. Подумай об этом. Пока не увели, — не унималась Элла. — А то будешь потом, как все эти ветреные девочки, за воздухом носиться, а звезду с неба кто-нибудь другой украдёт. Останется тебе только локти кусать, да будет уже поздно.

— Мам, мне что, так срочно кто-то нужен? Или мой поезд уходит, и я обязана прыгнуть в последний вагон? — в голосе Эли зазвенело раздражение.

— Да, Элла, что ты такое говоришь? Он что, последний мальчик на земле? — Михаил покачал головой.

— Последний не последний, но зато какой! Такие умные рождаются один из ста. С перспективой.

— Мам, закрыли тему, — Эля начала злиться по-настоящему. Её щёки запылали. — И хватит этим заниматься! Я, конечно, понимаю, что ты обожаешь его маму, ведь она такая растакая — твоя подруга, но это уже перебор!

Она резко поднялась из-за стола, с грохотом задвинув стул, схватила рюкзак и, не оглядываясь, выскочила из кухни. Хлопок входной двери прозвучал как выстрел.

— Элла, правда, она сама разберётся, — вздохнул Михаил.

— Разберётся, конечно, — фыркнула мать, нервно собирая со стола посуду. — Притацит потом какого-нибудь... по типу Артёма. Скандалиста и драчуна.

— Ну и пусть. Может, ей такие нравятся. Бойкие.

— А потом будет приходиться к нам битая и в слезах! Сколько таких случаев вокруг бывает!

— Элла, не драматизируй, — муж встал, подошёл к жене и крепко обнял её за плечи. — С нашей девочкой такого не случится. Она умная. И характер у неё — твой.

Эля шла к школе, мысленно ещё ругаясь с матерью. Осенний ветер срывал с деревьев последние листья и гнал их по асфальту. Из-за угла прямо перед ней возник Артём. Он, казалось, её поджидал.

— Привет, — сказал он без предисловий. Его голос был непривычно серьёзным. — Мне нужно с тобой поговорить.

— О чём? — настороженно спросила Эля, замедляя шаг.

— О вчерашнем.

Она окончательно остановилась и уставилась на него, скрестив руки на груди. Утреннее солнце золотило его взъерошенные волосы, но в глазах не было привычной насмешки.

— Ну, говори.

— Ты понимаешь... я вчера не ожидал, что ты придёшь с моим братом. И когда увидел вас вместе... — он замолчал, подбирая слова. — Вы правда встречаетесь?

Эля фыркнула, и в её голосе зазвучал холодный сарказм.

— А, понятно. А то я подумала — предисловие какое-то длинное. Странно, столько слов, и все — чуть ли не в одном предложении.

— Что? — он не понял насмешки.

— Нет, Артём, мы не встречаемся.

— Тогда почему он так сказал? Всем.

— Чтобы понять, кто друг, кто враг, а кто просто стоит в сторонке, — отрезала она.

— Я опять не понял.

— Конечно, не понял, — она покачала головой. — А что тебя так это задело? Ты на меня никогда прежде и смотреть-то не хотел. А тут вдруг чувства решил проявить. Ага, я поняла. Ты своего братца ко мне приревновал. Родственная

солидарность.

— Что ты «Принцесса»! — он сделал шаг вперёд, и в его глазах вспыхнуло что-то настоящее, неигровое. — Я всегда тебя видел.

— Видел и «динамил». Отлично! — она истерично фыркнула и улыбнулась, чувствуя, как комок обиды подкатывает к горлу. — Я пойду. Разговор окончен.

Она рванула вперёд, но Артём, пятась, загородил ей дорогу, продолжая смотреть на неё.

— Эль, да я тебя «динамил»! Потому что боялся! Боялся показать, что ты мне не безразлична!

Это признание повисло между ними, хрупкое и оголённое. Эля на секунду остолбенела, потом резко пошла на обгон, пытаясь протиснуться мимо него. Артём инстинктивно потянулся, чтобы схватить её за руку, остановить, но она ловко увернулась, как на волейбольной площадке.

— Увидимся! — крикнул он ей вдогонку, и в его голосе слышалась не злость, а какая-то обречённая решимость. — Позже... — уже себе под нос добавил он, глядя, как она скрывается за школьными дверьми.

Эля шла по коридору, пытаясь прогнать из головы его слова. Они жгли. «Всегда видел. Боялся». Что это меняет? Всё. Или ничего?

У учительской собралась небольшая толпа: несколько преподавателей и кучка взволнованных девочек из школьного актива. Увидев Элю, одна из них замахала руками.

— Вот она! Пришла!

Эльвиру мгновенно окружили.

— Элочка, дорогая, выручай! — заговорила, запинаясь, завуч. — Мы только сегодня узнали — межшкольный конкурс талантов! Завтра! Нам некому выступать. Ты же помнишь свой танец, с «Мисс Восходящая Звезда»? Или у тебя что-то новое есть?

— Завтра? — Эля отшатнулась. — Это невозможно! Я несколько месяцев не танцевала, не репетировала...

— Пожалуйста! — вклинилась учительница математики, Ольга Георгиевна. — Мы тебя освобождаем от всех уроков сегодня. Тренируйся. И знаешь что?.. По моему предмету я тебе в четверти на балл выше поставлю. За спасение престижа школы.

«Мотивация так мотивация, — подумала Эля, чувствуя, как подвох обретает приятные очертания. — Умеют завлечь, когда очень хотят».

Она вздохнула, сделав вид, что сдаётся под напором.

— Ну, раз это так важно для школы... Конечно, соглашусь. Но сразу предупреждаю — за результат не отвечаю. Я давно не танцевала.

Учителя, как по команде, закивали головами с такой синхронностью, что стало почти смешно.

— Отлично! Беги, готовься!

— Мы будем за тебя завтра кулачки держать! — крикнула вслед учительница музыки.

Эля криво улыбнулась, кивнула и, развернувшись, пошла не в класс, а обратно к выходу. Свободный день — он ей сейчас был нужнее всего.

Дорога домой пролежала по тихой улочке. Эля шла, погружённая в мысли о танце, о вчерашнем вечере, о двух братьях, которые вдруг стали центром её вселенной. Она почти не заметила старую женщину, бредущую по обочине. Та была неопрятна, от неё исходил тяжёлый, затхлый запах немытого тела и чего-то ещё — горького, лекарственного.

Они поравнялись. Женщина что-то бормотала себе под нос, и Эля на секунду подумала, что та обращается к ней.

— Простите, вы мне что-то говорите? — вежливо спросила Эля, замедляя шаг.

Старуха подняла на неё мутные глаза. Лицо её было покрыто глубокими морщинами, как высохшая земля.

— Я говорю, милая... Лагерь «Долина Мира»... Хороший лагерь... Там тебе понравится... — её голос был сиплым, но ещё человеческим.

И вдруг он изменился. Стал ниже, грубее, каким-то противостоительно глубоким, будто звучал из пустой бочки.

— Тебе там *понравится*, принцесса... Ах-ха-ха-ха... Хэ-э...

Ледоход страха пробежал по спине Эли. Это было не просто бред старого человека. В этом хрипе, в этом смехе, в этом взгляде было что-то... злое. Предостерегающее. Она не стала ничего выяснять. Инстинкт самосохранения дёрнул её вперёд. Она рванула с места, не оглядываясь, и неслась до самого своего дома, пока лёгкие не стали гореть огнём.

Вбежав в дом, она с силой захлопнула дверь и щёлкнула замком на все засовы. Прислонилась спиной к холодному дереву, отдышываясь. В доме было тихо и пусто — родители на работе.

Успокоив сердцебиение, она поднялась в свою комнату. Нужно было думать о танце, а не о бредовых старухах. Она включила музыку на телефоне и попыталась вспомнить движения. Тело было скованным, мышцы забыли былую пластику.

Вечером, когда стемнело и Эля уже собиралась спускаться к ужину, она подошла к окну, чтобы закрыть шторы. И замерла.

Во дворе, под фонарём, стоял Андрей. Он не двигался, не махал рукой. Он просто стоял и смотрел. Прямо на её освещённое окно. Его лицо в тени было неразличимо, но поза выражала какую-то странную, напряжённую неподвижность.

Эле стало не по себе. Это было... жутковато. Она резко дёрнула шнур, и тяжёлые портьеры сомкнулись, отрезав ком-

нату от внешнего мира.

За ужином она рассказала родителям про конкурс. Элла, моментально забыв утренний конфликт, засияла.

— Конечно, ты лучшая, девочка моя! Ты завтра всех порвёшь! Устроишь им шоу!

Михаил поддакивал, подкладывая ей в тарелку вкуснейшую тушёнку из глиняного горшочка. Но Эля ела без аппетита. Перед глазами стояло то застывшее лицо Андрея в свете фонаря. И голос той старухи: «Тебе там понравится, принцесса...»

Она чувствовала, как её буквально валит с ног усталость — и физическая от репетиций, и моральная от этого дня, полного странностей и эмоциональных встрясок. Единственное, чего ей хотелось сейчас — забраться под одеяло и выключиться. Завтра будет новый день.

Глава 4

Эльвира открыла глаза, взглянула на яркие цифры будильника и вскочила с кровати как ошпаренная.

— Я проспала!

Утро началось с хаоса. Дальше всё превратилось в стремительный таймлапс: ванная комната, гардероб, поиск танцевальной сумки. Она слетела вниз по лестнице, уже на ходу натягивая куртку.

— Эля, завтрак! — донёсся с кухни голос матери.

— Потом, мам, всё потом! Я опаздываю! — крикнула она в ответ и выскочила за дверь, едва успев захлопнуть её за собой.

До соседней школы, где проходил конкурс, нужно было ехать через весь район. Эля мчалась к остановке, чувствуя, как рюкзак и сумка бьют её по спине. Телефон в кармане не умолкал — названивали то подруги, то учителя. На очередной звонок она, задыхаясь, ответила:

— Алло? Да, я уже почти... Ольга Георгиевна, я уже здесь!

Через десять минут, ворвавшись в огромное здание чужой школы, она действительно была «здесь».

— Наконец-то! — Ольга Георгиевна встретила её у входа в подготовительный зал, всплеснув руками. — Мы уже думали, всё, план «А» провален. Скорее, переодевайся. Ты по-

сле двух участников!

Эля кивнула, чувствуя, как адреналин прогоняет остатки сна. Из-за кулис доносились аплодисменты и голос ведущего. Её время приближалось.

— Эльвира Струнбрич! Встречайте нашу звёздочку с умопомрачительным танцем, включающим элементы гимнастики!

Эля глубоко вдохнула и вышла на сцену. И на секунду застыла. Ослепительный свет софитов, десятки глаз в полумраке зала, блеск объективов — даже на конкурсе «Восходящая звезда» не было такого размаха. Сердце ёкнуло.

Но вот зазвучали первые аккорды её музыки — и тело вспомнило всё само. Страх растворился, уступив место знакомому чувству полёта. Кувырки, прыжки, стремительные вращения — всё слилось в единый поток движения. В финале, под замирающие звуки мелодии, она плавно опустилась в шпагат, оперевшись локтями в гладкий пол сцены. Тишина. А потом зал взорвался овациями.

С грациозным поклоном она скрылась за кулисами, оставив за спиной грохот аплодисментов. Ноги слегка дрожали, но на душе было легко и пусто — сработал выброс адреналина.

— Спасибо, Эля! — к ней подбежала сияющая завуч и сунула в руки красивую коробку конфет. — Ты нас выручила. Хоть и опоздала. Можешь ехать домой или остаться посмотреть остальных.

Эля кивнула и направилась в раздевалку переодеваться. Закончив, она вышла в коридор, всё ещё находясь под впечатлением от выступления, и буквально врезалась в кого-то.

— Ой, извини, я не увидел, — прозвучал мужской голос.

Перед ней стоял парень её возраста, держа в руках гитару в чехле. Высокий, с веснушчатым носом и живыми глазами.

— Ничего, — улыбнулась Эля.

— Ден, — представился он, оглядывая её с любопытством.

— Эля.

— Ты классно там «светанула». Пряма звезда, — он одобрительно свистнул.

— Ты из этой школы?

— Из этой. Сорри, нас скоро объявлять будут.

Он кивнул и скрылся в направлении сцены. Эля уже собралась уходить, но что-то остановило её. Любопытство? Желание отложить возвращение домой и к урокам? Она вернулась в зал и пристроилась у самого выхода.

— Встречайте! Группа «Розмарин»! — объявил ведущий.

На сцену вышли четверо парней с гитарами, среди них был Ден. Они заняли места у микрофонов, и зал наполнился сложной, многослойной мелодией. Каждая гитара вела свою партию, сплетаясь в удивительно гармоничное целое. А когда они запели — это было что-то завораживающее. Голоса, перекликаясь и наслаиваясь, создавали почти мистическое звучание.

И тут Ден поднял взгляд и нашёл её в толпе. И не отводил глаз. Казалось, он поёт именно для неё. Эля почувствовала, как по щекам разливается тепло. Она смущённо отвела взгляд, потом снова посмотрела на сцену. Он улыбался, глядя прямо на неё.

Когда номер закончился под оглушительные аплодисменты, Эля попыталась незаметно выбраться из зала, но путь преградила толпа расходящихся зрителей. Пробиваясь к выходу, она снова столкнулась с Деном. На этот раз преднамеренно.

— Решила не сбегать и посмотреть наш номер? — спросил он, легко балансируя с гитарой за спиной. — Он, конечно, был попроще твоего сальто, но тоже ничего.

— Мне очень понравилось, — честно призналась Эля.

— Остаёшься ещё или домой?

— Домой.

— Провожу до остановки.

Дорога оказалась короткой, но очень весёлой. Ден оказался отличным рассказчиком, с хлёстким чувством юмора и талантом к пародиям. Эля смеялась так искренне, что забыла и про усталость, и про странности вчерашнего дня.

— Ладно, пока! — она увидела вдалеке свою маршрутку. — Вон мой транспорт.

— Эй, погоди! — Ден сунул руку в карман и достал свой телефон. — Номер пиши. И конфетки возьми, — он протянул ей вторую, точно такую же коробку конфет.

— У меня свои есть, — она показала на подарок от школы.

— Лишними не будут.

Эля быстро набрала свой номер в его телефон, улыбнулась на прощание и рванула к уже отъезжающей маршрутке, едва успев запрыгнуть в закрывающиеся двери.

Дома её встретила непривычная тишина, которую она нечаянно нарушила, грохнув дверь.

— Эля, доченька, у нас гость! — из кухни высунулась мама.

Эля замерла в дверном проёме. За столом, аккуратно попивая чай, сидел Андрей.

— Привет, — устало произнесла она, скидывая куртку и кладя на стол две одинаковые коробки конфет.

— Привет, — тихо ответил он, и его взгляд был прикован к ней с такой интенсивностью, что стало не по себе.

— Конфеты! Какая прелесть, — обрадовалась Элла. — Эльвира сегодня выступала за школу и выиграла, да? А Андрей пришёл позаниматься с тобой после уроков.

Эля почувствовала, как под этим пристальным взглядом у неё по спине пробежали мурашки.

— Мам, а можно и мне чаю? И бутерброд?

— Конечно, сейчас сделаю.

— А я пока в душ.

Она сбежала в ванную, под струями воды пытаюсь смыть с себя остатки нервозности и странное чувство, оставленное взглядом Андрея. Вернувшись, она застала ту же картину:

мама без умолку болтала о предстоящей поездке в лагерь, а Андрей сидел, подперев щёку ладонью, и внимательно слушал, изредка кивая. Но стоило Эле войти, как его внимание целиком переключилось на неё.

Покушав и помыв за собой посуду, Эля встала.

— Ты идёшь? Или здесь остаёшься? — спросила она, стоя в проёме.

Андрей мгновенно поднялся.

— Спасибо за угощение, — кивнул он Элле и последовал за Эльвирой в её комнату.

Войдя, Эля сбросила тапки и плюхнулась на кровать.

— Я не хочу сегодня заниматься. Я выжата как лимон. Расскажи мне просто что-нибудь.

— Хорошо. О чём рассказать?

— Не знаю. Что-нибудь интересное. Страшное, — неожиданно для себя добавила она, вспомнив вчерашнюю старуху.

Андрей присел на край кровати, лицо его стало сосредоточенным.

— Ладно. Давай я тебе легенду про лагерь расскажу. Ту, что в интернете на форумах пишут. Лагерь «Долина Мира» открыли давно. Но последние лет десять там творятся стран-

ные вещи. Местные говорят, его построили на месте старого кладбища, которое просто сровняли с землёй, другие, что он просто проклят. А ещё... там периодически пропадают дети. Разных возрастов. Полиция ищет, но не находит. Говорят, директор лагеря, Виктор Бирленге, — мужик жёсткий, но вроде как хороший. Только вот странности эти... их стараются не афишировать. Будто что-то скрывают.

Голос его был ровным, повествовательным, но в словах чувствовалась подлинная, леденящая душу подоплёка легенды. Эля слушала, и глаза её понемногу начали слипаться. Усталость взяла своё. Дыхание выровнялось, стало глубоким и размеренным.

Андрей замолчал, видя, что она заснула. Он сидел неподвижно несколько минут, просто глядя на неё. Затем медленно, почти не дыша, протянул руку. Его пальцы осторожно отодвинули прядь волос, упавшую на её щёку. Кожа под его прикосновением была тёплой и невероятно мягкой.

Он не убрал руку. Ладонь его осталась лежать на её щеке, большой палец едва заметно гулял по скуле. Его взгляд, обычно такой сдержанный и умный, сейчас был полон чего-то тёмного, глубокого и бесконечно нежного. Он наклонился ближе, как бы прислушиваясь к её дыханию, и так и остался сидеть рядом, сторожа её сон в тишине комнаты.

— Принцесса, — пошептал Андрей, разглядывая её черты.

Глава 5

Эля открыла глаза. За окном уже во всю сияло утро, солнечные лучи пробивались сквозь щели в шторах.

«Боже, я так долго спала», — подумала она, потягиваясь. Приведя себя в порядок, она спустилась на кухню.

— Доброе утро, соня, — улыбнулась мама, наливая чай в кружку. — Ты сегодня выспалась по-царски. Что планируешь на выходной?

— Не знаю, — Эля пожала плечами, присаживаясь за стол. — Может, погулять. А может, так и останусь дома валяться.

В этот момент за окном на тротуаре мелькнули две знакомые фигуры. Эля, как по команде, вскочила и подошла к окну. Это были Артём и Ирен. Они шли рядом. Ирен что-то оживлённо говорила, а потом попыталась взять его за руку. Артём резко, почти отталкивающе, дёрнул ладонь в сторону. Через мгновение они скрылись за поворотом.

— Что там? — спросила Элла, следя за дочерью.

— Ирен, — коротко бросила Эля, отворачиваясь от окна. В груди кольнуло что-то острое и неприятное.

— Понятно, — протянула мама, отхлебнув чая. — Я её несколько раз видела в нашем районе. А живёт она в другой стороне. Интересно, к кому она сюда ходит, если не к тебе.

«Я теперь знаю, к кому, — пронеслось в голове у Эли, и

губы её сами собой скривились в усмешке. — И ни разу, ни полусловечком не обмолвилась. Подруга, мать её».

— Спасибо, мам, — вдруг сказала она громко.

— За что? — удивилась Элла.

— За всё. За еду. За то, что ты есть. Я тебя люблю.

Она подошла и обняла мать, прижавшись щекой к её плечу и поцеловав в висок. Элла замерла на секунду — дочь редко проявляла такие открытые чувства.

— И я тебя люблю, дорогая, — прошептала она, глядя Элю по волосам. — Будь осторожна.

— Конечно, мам.

Через несколько минут Эльвира уже стояла на пороге своего дома, набирая номер Елены.

— Алло. Дома?

— Дома. Что с тобой? У тебя голос странный.

— Сейчас приду, всё расскажу.

Дом Елены был в двух кварталах. Подходя к нему, Эля столкнулась с Лейлой, двоюродной сестрой подруги. Девушки были неразлучны.

— Лейла, привет. Ты что тут? — спросила Эля.

— К Елене. С новостью, — Лейла уже стучала в дверь. Увидев выражение лица Эли, она добавила: — Тебя это тоже, кстати, касается.

Елена открыла дверь, и все трое направились в комнату Елены.

— Ирен будет? — спокойно, слишком спокойно спросила

Эля.

— Нет, в ней-то вся и фигня, — нахмурилась Лейла, садясь поудобнее. — Девчонки, держитесь. Я вам сейчас такое расскажу... Я видела, как Ирен и Артём целовались.

Эля почувствовала, как что-то холодное сжалось у неё внутри.

— А Артём, я знаю, нравится тебе, Эль. Мы все знаем, — Лейла не дала ей опомниться. — Но это ещё не всё. От неё надо держаться подальше. Я сама слышала, как она разговаривала с Марго, ну, этой «маячной» из их компании. Она ей сказала, что тебя нужно «обезвредить» или «убрать с дороги», чтобы ты не маячила перед глазами. Ирония судьбы — «Чтобы перед глазами не маячила», Ирен сказала маячной, — Лейла стала хихикать в ладонь.

— Неожиданно, — протянула Елена, широко раскрыв глаза. — Ты была права насчёт неё, Эль. Хотя я в шоке.

— А ты мне не верила! Я их с Артёмом недавно из окна видела — они вместе шли.

Прошло две недели. Рутинка: школа, дом, тренировки. Эльвира потихоньку собирала вещи в лагерь, предвкушая побег от всего этого школьного и дворового напряжения. Ирен, бывшая подруга, никак не комментировала свой поступок, но пару раз пыталась уколоть Элю колкими замечаниями. Однажды её осадил случайно оказавшаяся рядом одноклассница, и Ирен, фыркнув, отступила.

Андрей же приходил заниматься почти через день, хотя

договор был о двух разах в неделю. Сегодня он снова сидел у неё в комнате, пока она наполовину упаковывала чемодан.

— Андрей, давай на сегодня закончим, — вздохнула Эля, откидывая учебник по физике. — Мне всё надоело. Я уже мыслями в лагере. Просто не могу дождаться.

— Ты так сильно хочешь туда? — спросил он, наблюдая, как она складывает футболки.

— Очень-очень.

— Знаешь... У меня плохое предчувствие насчёт этого лагеря.

— Предчувствие? — Эля фыркнула. — Это бабушкины сказки.

— Эль, подумай. Может, не стоит ехать?

Она резко обернулась к нему.

— Ты можешь не ехать. Тебя никто не заставляет. А я хочу. И точка.

— Я не отпущу тебя туда, — тихо, но очень твёрдо сказал он.

— А ты кто такой, чтобы решать, ехать мне или нет? — в её голосе звенели стальные нотки принцессы.

Андрей опустил глаза, его пальцы сжались в кулаки.

— Никто. Но я хочу быть тебе ближе. Быть твоим другом. Твоей опорой.

— Ха! Опорой? — Эля горько рассмеялась. — Ты сам себе не всегда можешь быть опорой!

— Эля, я хочу дружить... — начал он, но она резко пере-

била.

— Дружить? Ты с ума сошёл! Я с ботаниками дружбу не вожу!

Она видела, как по его лицу пробежала судорога. Он поднял на неё взгляд, и в его глазах вспыхнул незнакомый, тёмный огонь.

— А чем я хуже? — его голос стал низким и опасным. — Хуже моего брата? Хуже этих Кириллов и Антонов? Хуже тех, кто только и умеет, что «тусоваться» и играть в кошки-мышки с девчонками?

Он замолчал, тяжело дыша. Эля отступила на шаг, внезапно почувствовав не страх, а странное, леденящее недоумение.

— Ты... хороший парень, — выдохнула она, стараясь смягчить удар. — Я уверена. Но мне нравятся... другие. Прости.

— Другой типаж? — он сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между ними до сантиметров. Его дыхание стало горячим. — Дай мне шанс. Один шанс.

— Стоп, Андрей, я всё сказала, — она отвернулась, но он стремительно схватил её за подбородок и развернул лицо к себе.

Он смотрел на неё так пристально, будто хотел проникнуть в самую душу.

— Ты передумаешь, — прошептал он так тихо, что это было почти неслышно. Его губы были в сантиметре от её. —

Обязательно передумаешь.

Он отпустил её, и его пальцы оставили на коже лёгкое, но отчётливое жжение. Не сводя с неё своего тёмного, полного какой-то недетской решимости взгляда, он медленно отступил к двери, повторил шёпотом: «Обязательно», — и вышел, тихо прикрыв дверь за собой.

Эля осталась стоять посередине комнаты, прижав ладони к разгорячённым щекам. В ушах звенело.

«Ну и глупец, — наконец выдохнула она, и в голосе её прозвучал сарказм, призванный заглушить странную тревогу. — Иди, иди. «Передумаю», конечно. Как же».

Она тут же набрала Елену и сбивчиво, на одном дыхании, выложила ей историю.

— Ну и дура, конечно, — безжалостно заключила Елена. — Надо было его держать как запасной вариант. А ты прилепилась к этому Артёму, который о тебе, я уверена, и не вспоминает.

— Что значит «держат как вариант»? Врать? Я не хочу ему врать.

— Ну, тогда ты не против, если я к нему «прилеплюсь»? — в голосе Елены зазвучала лёгкая проверка. — Он будет мне с уроками помогать. Подумай, а то я, может, своё счастье попытаю.

— Бери, раз ты его фанатка, — отмахнулась Эля, но в груди кольнуло.

— Я не фанатка. Но ты, похоже, не замечаешь, как он на

тебя смотрит.

— И как? — язвительно спросила Эля. — Смотрит, как трусливый...

Она вдруг замолчала, вспомнив тот последний взгляд. В нём не было ни капли трусости.

— Ну, как по мне, не совсем уж и трусливо, — продолжала Елена. — А изучающе. Он, наверное, с девочками раньше и рядом-то не дышал. А симпатичный, между прочим. По-красивее некоторых хулиганов будет, — она прозрачно намекнула на Артёма.

— Ладно, хватит. Завтра последняя контрольная. Не дай бог завалить. А в выходные уже отъезд. Пока, пойду в ванне полежу.

— Пока-пока. До завтра, удачи!

«Угу», — бросила Эля и завершила вызов.

Она направилась в ванную, набрала полную ванну тёплой, почти горячей воды, добавила пену и погрузилась в неё с головой, пытаясь смыть с себя все сегодняшние эмоции и подростковые страдания. Белое тело растворилось в облаках пены. Эля лежала, отключив мысли, и постепенно её сознание поплыло. Глаза закрылись.

Ей приснился сон.

Она стояла посреди леса, но деревья здесь были какими-то неправильными — слишком высокими, слишком тёмными, стремившимися в багровое небо. Вокруг, хаотично, как после взрыва, торчали из земли старые, покосившиеся

кресты. Она поняла, что это кладбище.

«Где я?» — прозвучал её собственный голос во сне.

Сзади её обхватили чьи-то руки. Она обернулась — это был Андрей. Но не тот, которого она знала. Его лицо было бледным, а глаза смотрели на неё с неестественным спокойствием.

«Ты в аду, девочка, — сказал он её голосом, но интонации были чужими. — Распределяй и царствуй».

Эля попыталась вырваться, но его руки были как стальные обручи. Она повернула голову, чтобы посмотреть на него, и увидела, как на его лице, начиная с уголков губ, проступили алые пятна. Они расползались, как живая краска, по щекам, шее. Он поднял руки перед собой, ладонями вверх. Они были покрыты свежей, липкой кровью.

— Что это? Кровь? — прошептала она во сне.

— Всё для тебя, — ответил он.

Андрей внезапно опустился перед ней на колени и обхватил её за бёдра, прижавшись лицом к её животу. Она увидела себя со стороны: стоит среди крестов, а её одежда испачкана алыми пятнами — отпечатками его рук.

— Я не хочу этого! — закричала Эля и, собрав все силы, разорвала его хватку. Она сделала несколько шагов назад и упёрлась спиной в холодный каменный крест.

Андрей медленно поднялся. Его взгляд, ещё недавно нежный и преданный, теперь был пустым и бездонным. Он сделал шаг в её сторону.

— Думаешь, теперь можешь уйти? — его голос зазвучал на два тона ниже. Глаза налились густым красным светом. С его рук капала алая субстанция. — Не сможешь. Даже если захочешь. Мы теперь — звенья в одной цепи. Невозможно покинуть систему.

Он подошёл так близко, что она чувствовала его ледяное дыхание. Его губы приоткрылись, и из уголка рта потекла струйка чего-то тёмного и липкого.

Она смотрела на него, парализованная ужасом, казалось, целую вечность. А потом он набросился. Поглотил её тьмой.

Темнота.

Эля вздрогнула и резко села в остывшей воде, сердце выскакивало из груди. Она тяжело дышала, оглядывая знакомые стены ванной.

«Господи... Какой кошмар», — прошептала она, прижимая мокрые ладони к лицу.

Она ещё долго сидела, пытаясь прогнать из головы жуткие образы. Наконец, завернувшись в махровое полотенце, она вернулась в комнату. По старой привычке подошла к окну, чтобы закрыть шторы.

И застыла.

По улице, прямо под её окном, шли Артём и Ирен. Его рука лежала у неё на талии. Ирен что-то говорила, жестикулируя, явно взволнованно. И вдруг Артём обернулся. Его взгляд поднялся и упёрся прямо в её освещённое окно. Эля стояла и смотрела, давая понять, что она видит и всё знает.

«Ладно, — прошептала она себе, чувствуя, как сердце снова начинает колотиться, но теперь по другому поводу. — Завтра последняя контрольная. А потом... я от всего этого сбегу».

Она резко задёрнула штору и принялась натягивать мягкую пижаму, погасила свет и улеглась в кровать, закрыла глаза, стараясь думать только о лагере, о лесе, о свободе. Сон не шёл. Вдруг дверь тихо приоткрылась. На пороге стояла мама. Увидев, что дочь, кажется, спит, она на цыпочках подошла к кровати, наклонилась и нежно поцеловала Элю в висок.

— Моя девочка, — едва слышно прошептала Элла. — Как же я тебя люблю.

И так же тихо вышла, прикрыв дверь. Эля открыла глаза в темноте, чувствуя на щеке тепло материнского поцелуя и холод предчувствия, который никак не хотел уходить.

Глава 6

День контрольной выдался нервным до предела. Воздух в школе был густым от всеобщего напряжения. Эля стояла в кругу подруг у своего класса — Елена, Лейла и, по старой привычке, чуть поодаль, Ирен. Обстановка была прохладной, натянутой, как струна.

В этот момент по коридору прошёл Андрей. Он шёл, уткнувшись взглядом в пол, не замечая их. Что-то внутри Эли ёкнуло — воспоминание о его странном поведении, о том ледящем душу сне, смешалось с чувством вины за грубые слова.

— Стой, Андрей! — позвала она, сделав шаг вперёд.

Он остановился, медленно обернулся. Его лицо было серьёзным.

— Что ты хотела? — спросил он ровным, безразличным тоном. — Помощи с контрольной? А что ещё можно хотеть от ботаника? Да, Эль?

Фраза, брошенная ею же в пылу ссоры, ударила по ней с двойной силой. Она подошла ближе, игнорируя удивлённые взгляды подруг.

— Извини, — сказала она тихо, но чётко, глядя прямо в его глаза. — Я не хотела тебя обидеть. Наговорила глупостей. Мир? ... друг.

Маска обиды и холодности на лице Андрея дрогнула. Кажалось, он не ожидал этого. Ни извинений, ни слова «друг». В его глазах промелькнуло что-то сложное — удивление, надежда. Уголки его губ дрогнули, пытаясь сдержать улыбку.

— Мир, — наконец произнёс он, и застенчивая, неуверенная улыбка всё же пробилась наружу.

Эля улыбнулась ему в ответ, широко и по-настоящему, чувствуя, как камень с души падает. Она кивнула ему и оглянулась к подругам.

— Я пойду, — сказала она, указывая пальцем за плечо.

Андрей на секунду заглянул за неё, на девочек. Елена и Лейла, застигнутые врасплох этой сценой, глупо и синхронно замахали ему руками, нервно улыбаясь. Он смущённо кивнул в ответ.

— Увидимся, — бросил он Эле и, поправив рюкзак, пошёл дальше.

Эля вернулась в круг. Три пары глаз смотрели на неё с неммым вопросом.

— Я так понимаю, ты мне его не отдашь, чтобы я «прилепилась», — с лёгкой, понимающей усмешкой протянула Елена.

— Ты с этим дружишь? — в голосе Ирен звучало неподдельное высокомерие и брезгливость. — Совсем упала, ниже некуда.

Елена не выдержала, повернувшись к ней.

— Ну, она по крайней мере Артёма не уводила, зная, что он подруге нравится.

Ирен закинула голову, и в её глазах вспыхнул холодный огонь.

— Он всем нравится. А сейчас он — мой. Вы что, не знали? Вот огорчение.

— Да всё мы знали, — спокойно, но с металлом в голосе вступила Лейла. — И не такие мы глупые... как ты.

Не дожидаясь ответа, все трое развернулись и ушли, оставив Ирен одну посреди коридора с её ядовитой победой.

Прозвенел звонок, возвещающий начало кошмара под названием «контрольная». Эля села за парту, сжала ручку и попыталась выкинуть из головы все ссоры, взгляды и странные предчувствия. Она сосредоточилась, вспоминая всё, что проходила с Андреем. Формулы, теоремы, алгоритмы решения — его спокойный, логичный голос звучал у неё в голове, вытесняя панику. Работа шла. Страницы заполнялись.

Когда время вышло и работы были собраны, Эля вышла в коридор с чувством лёгкого головокружения от напряжения.

— Ну как? — спросила Эля подругу, которая выглядела заметно помятой.

— По ходу, я всё завалила, — мрачно констатировала Елена.

— Почему ты так решила?

— У меня там какая-то абракадабра получилась, а не ре-

шения. А ты?

— У меня... вроде, всё ок, — Эля не могла скрыть облегчение. — Благодаря Андрею. Надо ему какой-нибудь подарочек прикупить. В знак благодарности.

— Я даже знаю, какой, — Елена вдруг оживилась, и в её глазах загорелся знакомый озорной огонёк.

— И какой же?

— Подзываешь его куда-нибудь, где потише, смотришь ему в глаза, подходишь близко-близко...

— И?.. — Эля насторожилась, уже предчувствуя подвох.

— И целуешь его, конечно. Сладко-сладко, — Елена сделала преувеличенно-мечтательное лицо. — Потом он будет готов ради тебя хоть на Луну слетать. Я уверена. Подумай, это же лучший подарок для любого мальчишки!

— Дурочка! — Эля фыркнула, но щёки её предательски запылали. — Я же сказала — только друзья. А ты уже целоваться предлагаешь. Он про меня потом думать будет, что я совсем распушенная.

— Да ничего он такого не подумает! — заверила её Елена. — Попробуй! Или... — она прищурилась, — давай я за тебя? Подойду, скажу: «Эля тебе подарок передала», — и чмокну его как следует.

— Ты совсем с ума сошла! — Эля засмеялась, не в силах сдержаться.

— Ага! Попалась! — торжествующе воскликнула Елена. — Сама хочешь «подарок» передать! Всё, я тебя раскусила.

Покраснела вся!

— Елен, да перестань! — Эля попыталась придать голосу суровости, но вышло смешно.

— А что «Елен»? Осчастливь парня. Он там и так, и сяк, а ты прямо никак, в его сторону даже не смотришь! Ладно, ладно... — Елена подняла руки в знак капитуляции, но ехидная улыбка не сходила с её лица. — Молчу. Пока молчу. Но ты сама всё знаешь.

Эля покачала головой, но мысль, посеянная подругой, пустила в её сознании маленький, коварный росток. Она снова посмотрела в ту сторону, куда ушёл Андрей, и на секунду представила этот нелепый, невозможный сценарий. И почему-то сердце ёкнуло не страхом, а чем-то другим — тёплым и тревожным одновременно.

До отъезда в лагерь оставалось несколько дней, и в воздухе повисло липкое, звенящее ожидание. Казалось, весь мир замедлился, выжидая.

Мысль Елены о «подарке» для Андрея засела в голове Эли как заноза. Сначала — возмутительная и нелепая. Потом — как дерзкий вызов самой себе. «А что, если?..» — шептал какой-то внутренний бесёнок. Она злилась на Артёма за его холодность и эту дурацкую историю с Ирен. Злилась на саму себя за то, что до сих пор не может его выбросить из головы. А Андрей... Андрей был здесь. Рядом. Тёплый, умный, смотрящий на неё так, будто она — центр вселенной. И этот

взгляд уже не казался таким уж противным. В нём была сила. Та самая, о которой он говорил во сне: «Невозможно покинуть систему». Может, стоит войти в эту систему? Хотя бы на минуту. Назло всем. Особенно — Артёму.

Решила она это в школьной раздевалке, после физры. Елена, увидев её решительное лицо, ахнула:

— Ты правда...?

— Заткнись, — коротко бросила Эля, поправляя прядь волос. — Иди жди у выхода. Если что — кричи.

— О боже, — прошептала Лена с благоговейным ужасом. — Ты с ума сошла. Он может взорваться от счастья.

— Ха-ха-ха, как смешно.

Андрея она застала в пустом кабинете физики. Он сидел за учительским столом, что-то строчил в блокнот, погружённый в свои формулы. Солнечный луч падал на его высокий лоб и пухлые, сосредоточенно поджатые губы. «Как у куклы», — мелькнуло у Эли. И в этом была своя, странная притягательность.

— Андрей.

Он вздрогнул, поднял глаза. Маска безразличия мгновенно сползла, сменившись настороженным интересом.

— Эля. Что случилось?

— Ничего не случилось. Хочу сказать спасибо. За всё.

Она подошла к столу, облокотилась на него, сокращая дистанцию. Андрей откинулся на спинку стула, но не отвёл взгляда. В его глазах промелькнуло что-то знакомое — то самое изучающее, голодное.

— Не за что, — тихо сказал он.

— Это «не за что» не катит. Я должна. Я помню.

Её сердце колотилось бешено, но движению это не мешало. Положила руку ему на плечо. Он напрягся под её пальцами, как каменная глыба.

— Эля... — его голос прозвучал хрипло.

— Тише.

Она наклонилась. Быстро, пока не передумала. Её губы коснулись его уголка рта. Пахло чаем и школьным мелом. Она хотела отскочить сразу, но её рука вдруг сама легла ему на щеку, удерживая его лицо, а её губы сместились, найдя его губы полностью. Поцелуй был неловким, слишком влаж-

ным, но Андрей... Андрей не сопротивлялся. Он замер на секунду, а потом его руки вцепились в её талию с такой силой, что у неё перехватило дыхание. Он уже не принимал поцелуй — он брал его, отвечая с неожиданной, пугающей страстью, роя её губы своими. Из блокнота со стола со стуком на пол упала ручка.

Она вырвалась первой, отпрянув на шаг. Губы горели. Андрей сидел, тяжело дыша, его глаза потемнели и смотрели на неё не как на подругу, а как на добычу. Тот самый сон.

— Вот моя благодарность, — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Теперь мы квиты.

Он молчал. Только его пальцы медленно разжали хватку на её блузке, оставив помятые следы.

— Мы не квиты, Эля, — наконец произнёс он, и в голосе снова зазвучала та самая, звенящая уверенность. — Мы только начали.

Она не стала ничего отвечать. Развернулась и почти побежала из кабинета, стирая тыльной стороной ладони след его поцелуя с губ. «Что я наделала?» — стучало в висках. Но где-то глубоко внутри, под слоем стыда, копошилось мелкое, гаденькое торжество.

Новость, как по проводам, разнеслась по школе к концу дня. Эльвира Струнбрич целовалась с ботаником Андреем в

пустом кабинете. Версии разнились: от романтической («они тайно встречаются!») до похабной. Но факт оставался фактом.

Ирен узнала об этом от своей новой «свиты» — парочки девочек из параллельного класса, которые с радостью принесли сплетню, как кость. Она стояла у зеркала в дамской комнате, подводя глаза чёрным карандашом, когда они воорвались с визгом.

— Ир, ты в курсе? Твоя бывшая подружка теперь с умником крутится!

Карандаш дрогнул, оставив неаккуратную чёрную черту к виску. Ирен медленно повернулась.

— С каким умником?

— С Андреем, братом твоего Артёма! Целовались, видели!

В глазах Ирен вспыхнул холодный, яростный огонь. Не из-за Андрея — бог с ним, с этим лузером. Из-за Эльвиры. Она всё ещё маячила. Всё ещё могла что-то забрать. Сначала — внимание Артёма. Теперь — его брата? Это выглядело как насмешка. Как если бы Эля говорила: «Смотри, я могу взять любого из твоей жизни. Даже так переманить внимание».

— Интересно, — сказала Ирен ледяным тоном, стирая

салфеткой кляксу под глазом. — Очень интересно.

Артём узнал иначе. Ему в спину тыкнул пальцем его же друг, Кирилл, хихикая:

— Слышь, Тёма, твой брат-ботаник, похоже, стал круче тебя. Эльку Струнбрич уже облизывает.

Артём, затягивавшийся у раздевалки, замер. Дым застрял в лёгких.

— Что?

— Да говорят, они там в кабинете... Ну, ты понял. Целовались, блин. Андрюшка-то, Андрюшка! Молодец, собака!

Артём не ответил. Он швырнул недокуренную сигарету на пол, раздавил её каблуком с такой силой, что пол хрустнул, и молча пошёл прочь. В груди клокотала бессмысленная, дикая ярость. Не к брату — к Эльвире. «Целовалась. С ним. С этой тряпкой, этим ходячим учебником». Картинка вставала перед глазами: её наклонённое лицо, его самодовольное... Нет, не самодовольное. Голодное. Точно как у него самого, когда он смотрел на неё и отворачивался, боясь выдать себя. Получалось, брат оказался смелее? Или просто хитрее?

Он нашёл Андрея после уроков у шкафчиков. Тот неспешно складывал книги в рюкзак, на лице — странная, отрешённая улыбка.

— Андрей.

Брат обернулся. Улыбка не исчезла, а стала лишь чуть более осмысленной. Победной.

— Артём. Что хотел?

— Это правда?

— Что именно?

— Не тупи! — голос Артёма сорвался на рык, и пара проходящих первоклашек шарахнулась в сторону. — С Эльвирой! Целовался?

Андрей медленно закрыл дверцу шкафчика. Щёлкнул замком.

— А какое твоё дело, Артём? Ты же с Ирен. Или она уже не в счёт?

— Отвечай!

Молчание повисло между ними, густое и тяжёлое. Потом Андрей пожал плечами.

— Да. Целовался. Она сама подошла. Сама поцеловала. Есть проблемы?

Артём шагнул вперёд, сжав кулаки. Лицо Андрея исказила гримаса — не страха, а какого-то дикого восторга.

— Давай, — прошептал он. — Попробуй. Ударь меня. Покажи всем, какой ты крутой. А потом я расскажу маме и папе, из-за кого ты это сделал. Из-за той самой девочки, в которую ты якобы не влюблён. И всё детство мы играли в следяков, найти Эльвиру.

Артём замер. Кулаки разжались. Ненависть, горячая и беспомощная, залила его изнутри. Он ненавидел этого заучку, который вдруг оказался не таким уж слабым. Ненавидел Эльвиру, которая всё портила. Ненавидел себя больше всего.

— Она тебя сожрёт и не подавится, — хрипло бросил он, отступая. — Ты для неё игрушка. Чтобы меня задеть.

— Может быть, — спокойно согласился Андрей, взваливая рюкзак на плечо. — А может, и нет. Но теперь она моя игрушка. Играть буду я. Не мешай.

Он развернулся и пошёл к выходу, оставив Артёма одно-

го в опустевшем коридоре. Тот с силой пнул металлический шкафчик, оставив вмятину. Звук гулкого удара прокатился, как похоронный звон. Всё летело к чёрту. И лагерь, куда они все ехали, теперь казался не местом для веселья, а огромной, готовой захлопнуться ловушкой. И он, и его брат, и Эльвира — все были внутри, и выбраться уже не получалось.

Эля вышла из школы, чувствуя, как на неё пялятся. Шёпот за спиной был словно шелест ядовитых листьев. Елена тут же прилипла к ней, глаза круглые от любопытства.

— Ну? Ну что? Я видела, как ты вылетела из кабинета, как ошпаренная! Рассказывай!

Эля молча шла, ускоряя шаг. Губы всё ещё горели, а в ушах стоял низкий, влажный звук того поцелуя и его слова: «Мы только начали».

— Эль, да ответь ты! Он что, языком тебя до позвоночника достал, что ты онемела?

— Отстань, Елена! — взорвалась Эля, и та отпрянула. — Всё было... Не так.

— А как?

Эля не знала, как. Страшно? Да. Противно? Нет. Именно это и пугало больше всего. Это не было похоже на те сухие, неловкие поцелуи с парнями на тусовках. Этом было... другое.

— Привет, шлюшки.

Они обернулись. Ирен стояла в нескольких шагах, заложив руки в карманы модной косухи. Её подруги маячили по-

зади, как тени.

— Ой, извини, — сладко сказала Ирен, делая преувеличенно виноватое лицо. — Я не всех имела в виду. Только одну. Которая за подачки от ботаников губы раздаёт. Как дела, Эль? Вкусный был поцелуй? Говорят, от заучек слюнями всё лицо измазано, когда целуются. Правда?

Елена зашипела, как кошка, но Эля схватила её за локоть, сдерживая. Внутри всё было гармонично, но с Ирен сейчас связываться не хотелось. Но та искала повод.

— Иди своей дорогой, Ирен, — тихо, но чётко сказала Эля. — У тебя же есть своя жизнь. Артём, например. Или тебе мало?

Лицо Ирен исказилось. Упоминание Артёма, да ещё таким тоном, было точным ударом.

— Ой, а ты ещё и советы раздаёшь? — она сделала шаг вперёд. — Слушай сюда, принцесса. Ты думаешь, раз тронула его брата-дебила, то до меня как-то докопаешься? Он на тебя и смотреть-то не будет теперь. Ты для него грязь после этого. А мне плевать, с кем ты там развлекаешься. Главное — чтобы ты держалась от нас подальше. Поняла? В лагере твой номер не пройдёт.

— Угрожаешь? — в голосе Эли зазвенела сталь.

— Я констатирую факт, — Ирен сладко улыбнулась. — Лагерь — место маленькое. Леса тёмные. Всё может случиться. Особенно с такими... наивными, дурочками, как ты. Она крутанулась на каблуке и пошла прочь, её «свита»

бросила на них последние презрительные взгляды.

Елена выдохнула, словно только что всплыла из-под воды.

— Вот сука... Она реально психанула. Надо будет в лагере палку толстую найти, чтобы во всю её рожу могла отпечататься.

Но Эля её уже не слушала. Она смотрела на другой конец школьного двора. У забора, в тени голых деревьев, стоял Артём. Он курил, откинув голову, и смотрел прямо на неё. Даже с этого расстояния она почувствовала тяжесть его взгляда. Не ярость. Не презрение. Что-то более сложное. Разочарование? Досаду? Ревность?

Он медленно вынул сигарету изо рта, выпустил струю дыма и, не отводя глаз, провёл пальцем по своему горлу. Чёткий, угрожающий жест.

Потом он швырнул окурок, развернулся и скрылся за углом школы. Игра, которую она затеяла из глупого желания досадить, вдруг стала слишком реальной и слишком опасной. Она разворошила осиное гнездо, и теперь осы — все, до одной — были готовы её ужалить.

Вечером мама была особенно нежной. Накрыла праздничный ужин, хотя до отъезда ещё целый день.

— Моя девочка вырастет, — вздыхала она, глядя Элю по волосам. — Первая дальняя поездка без нас. Ты там будь осторожна, да? Держись подруг. И... Андрюши. Он мальчишка хороший, надёжный.

— Мам, хватит уже про Андрюшу, — буркнул отец, ковыряя вилкой картошку. — Надоело.

— А что? Я рада, что она наконец с умными детьми общаться стала, а не с этими... шпанятами.

Эля молча передвигала картошку в тарелке из стороны в сторону. Каждое слово матери било точно в цель. Надёжный. Если бы она знала...

После ужина Эля заперлась в комнате. Она попыталась собрать вещи, но мысли путались. Всё валилось из рук. Она подошла к окну. На улице уже стемнело. Фонарь через дорогу отбрасывал жёлтое, болезненное пятно света на асфальт. И в этом пятне что-то двигалось.

Присмотревшись, она узнала фигуру. Андрей. Он стоял под фонарём напротив её дома, засунув руки в карманы, и смотрел вверх, на её тёмное окно. Он не махал, не пытался привлечь внимание. Просто стоял.

Эля резко дёрнула штору, закрыв её. Сердце бешено колотилось. Скоро её повезут в клетку. Самую охраняемую и не охраной, а Андрюшей. Под названием «Долина Мира».

Она полезла в карман рюкзака, висевшей на стуле, за телефоном, чтобы позвонить Елене, чтобы услышать хоть какой-то нормальный голос. В кармане её пальцы наткнулись на что-то постороннее, гладкое и круглое. Она вытащила.

Это была пуговица. Большая, деревянная. Она точно не была её. Эля перевернула. На обратной стороне, нацарапано чем-то острым, были выведены кривые, неровные буквы:

НЕ ЛЕЗЬ В ЛЕС.

Ледяная волна прокатилась по спине. Это была не шутка. Стиль, эти корявые буквы... Это было похоже на предупреждение.

Кто подсунул? Когда? Она никуда не ходила сегодня, кроме школы. Рюкзак был с ней всегда... Кроме того момента в раздевалке, когда она пошла в кабинет к Андрею. Рюкзак оставался там. На полу. Без присмотра.

Её взгляд снова, против воли, рванулся к окну. К щели между штор. Пятно света под фонарём был теперь пуст.

Андрея не было.

Но пуговица, холодная и чуждая, лежала на её ладони, как билет в один конец. И три слова на ней горели в темноте комнаты своим собственным, тусклым и зловещим светом.

НЕ ЛЕЗЬ В ЛЕС.

Сон не шёл. Эля ворочалась, сжимая в кулаке пуговицу до тех пор, пока деревянные края не впились в кожу. «Не лезь в лес». Что это значит? Лагерь «Долина Мира» стоял как раз в сосновом бору, если верить рекламным фото. Лес вокруг — его главная «фишка»: походы, костры, ориентирование.

Она включила телефон, залезла в поиск. Набросала название лагеря. Первые ссылки — официальный сайт с улы-

бающимися водителями, расписание смен, восторженные отзывы родителей. Полистала глубже. На каком-то городском форуме нашла старую тему, заброшенную года три назад: «А вас не смущает Долина Мира?» Сообщений всего пять. Одно было удалено модератором. Другое, от анонима: «Мой племянник ездил. Говорит, ночью в лесу огни видел. И звуки странные. Но детям велели молчать». Третье: «Легенды про кладбище — бред. Но место там и правда нехорошее. Старики говорят, земля там «ненасытная». Тему кто-то закрыл с пометкой «распространение непроверенной информации».

Эля выключила телефон. В темноте комнаты тикали часы. «Ненасытная земля». Слова Андрея про пропавших детей всплыли в памяти с новой силой. Он говорил об этом слишком спокойно. Как о факте. Не как о страшилке.

Она встала, подошла к окну, раздвинула шторы. Улица спала. Фонарь мигнул и погас, погрузив всё в синеватую предрассветную мглу. И тогда она увидела его снова. Не под фонарём, а прямо под её окном, в палисаднике. Андрей. Он сидел на корточках, спиной к дому, и что-то чертил на утоптанной снежной корке. Длинной, прямой палкой. Эля не различала рисунок, но ритм его движений был гипнотически монотонным. Туда-сюда.

Он вдруг замер, словно почувствовал её взгляд. Медленно повернул голову. Его лицо в полумраке было бледным пятном. Он не улыбнулся. Поднял руку и поманил её к себе. Медленно, неотрывно глядя ей в глаза через стекло.

Эля отпрянула. Сердце замерло. Она дернула, закрыла шторы. Он сошёл с ума. Он реально сошёл с ума. Или... или он всегда был таким. А она просто не видела.

Глава 7

Утром, за завтраком, Элла заметила её бледность и синяки под глазами.

— Не выспалась, рыбка? Волнуешься?

— Да, — хрипло ответила Эля. — Мам... а если мне не понравится в лагере? Если я захочу домой?

Отец хмыкнул за газетой:

— Потерпишь недельку - другую. Какие там проблемы? Воздух, режим, компания. Лучше, чем тут по двору шляться.

— Но...

— Не капризничай, Эльвира, — мягко, но твёрдо сказала мать. — Ты же сама так хотела. Всё будет хорошо. Тем более, там Андрей будет, присмотрит.

Имя «Андрей» прозвучало как приговор. Эля поняла — жаловаться бесполезно. Они не увидят. Для них он — идеальный мальчик. Тихий, умный, из хорошей семьи. Их дочь в надёжных руках.

На школьном дворе царила суматоха. Группа ребят, едущих в лагерь, собиралась у старого жёлтого автобуса. Вожаемые — двое уставших на вид студентов — перекрикивали список.

Эля стояла в стороне с Еленой. Та тараторила без умолку, пытаясь разрядить напряжение.

— Смотри, вон наш вожак. Ничего такой, правда? Очки только портят.

— Лен, заткнись, — простонала Эля. Она видела всё.

Ирен, уже в новой модной куртке, висела на Артёме, как клещ. Тот стоял, засунув руки в карманы, и смотрел куда-то поверх голов. Его взгляд пустой. Он будто выключился.

Андрей был уже в автобусе. Он сидел у окна и смотрел на Элю. Неподвижно, как и вчера ночью. Его лицо было спокойным, почти невыразительным. Он поймал её взгляд и очень медленно улыбнулся. Улыбка не дошла до глаз. В глазах была та самая «система». Цепь, захватившая своё звено.

— Все по местам! — крикнул вожатый.

Елена потянула Элю за рукав.

— Пошли, что ли. Чего застыла?

Эля сделала шаг. Потом другой. Каждый шаг к открытым дверям автобуса казался шагом на эшафот. Она поднялась по ступенькам, и запах бензина, старой обивки и кислых яблок ударил в нос.

Елена занырнула на свободное сиденье к какой-то девочке из параллельного класса. Эля замерла в проходе. Свободные места были: одно — рядом с какой-то плачущей семикласской. Другое... в самом конце. Рядом с Андреем. Он уже отодвинулся к окну, освобождая место. И смотрел на неё. Ждал.

«Не садись рядом с ним», — закричало внутри всё. Но ноги понесли её сами. Мимо испуганного взгляда Елены. Мимо ехидной усмешки Ирен. Мимо пустого, отвернувшегося к окну Артёма. Она шла по проходу, как по коридору к электрическому стулу.

И опустилась на сиденье рядом с Андреем. Пахло его обычным запахом — чистый свитер, немного книжной пыли. И чем-то ещё. Холодным.

Автобус дёрнулся и зарычал мотор.

— Я знал, что ты сядешь ко мне, — тихо сказал Андрей, не глядя на неё.

Он смотрел вперёд.

— Почему? — прошептала Эля, сжимая в кармане пуговицу.

— Потому что ты умная. Ты чувствуешь, где безопаснее.

— Рядом с тобой безопаснее? — в её голосе прозвучал сдавленный смешок.

Он наконец повернул к ней голову. Его глаза были тёмными, бездонными колодцами.

— Безопаснее, чем где бы то ни было ещё, Эля. Запомни это. Ты теперь под моей защитой. Пока ты со мной, с тобой ничего не случится.

Он произнёс это так просто, как будто говорил о погоде. Но в словах сквозила вторая часть обещания: «А если отойдёшь — случится ... всё что угодно».

Автобус тронулся. Дома, родители, знакомые улицы поплыли за окном, становясь всё меньше. Эля прижалась лбом к сиденью перед ней. В отражении стекла она видела, как Андрей протягивает руку и поправляет прядь её волос, упавшую на лицо. Его пальцы коснулись кожи у виска. Холодные, как у покойника.

Она не отдернулась. Она смотрела, как в зеркале заднего вида маленькая, бледная девочка в жёлтом автобусе едет в сторону тёмного леса. А рядом с ней сидит тень, которая улыбается.

Ловушка, наконец, захлопнулась. И «Долина Мира» жда-

ла их впереди, окутанная утренним туманом и тишиной, которая была громче любого крика.

Дорога казалась бесконечной. Автобус пыхтел, подпрыгивая на колдобинах, увозя их всё дальше от асфальта, от вышек сотовой связи, от всего, что напоминало о мире с правилами. За окном поплыли унылые поля, затем редкие перелески, и наконец, впереди, как тёмная стена, встал сплошной бор.

Эля пыталась не дышать, чтобы не чувствовать запах Андрея — этот странный, холодный металлический оттенок в его обычном аромате. Он сидел неподвижно, как истукан, уставившись в спинку впереди стоящего кресла. Но его рука лежала на сиденье между ними, ладонью вверх. Как будто ждал, что она положит туда свою.

Елена, сидевшая двумя рядами впереди, то и дело оборачивалась, её взгляд метался от Эли к Андрею и обратно.

С другой стороны прохода, через ряд, сидели Артём и Ирен. Артём уткнулся в наушники, закрыв глаза, делая вид, что спит. Но мышцы на его скулах играли. Ирен, обняв его руку, что-то шептала ему на ухо, бросая на Элю злые, торжествующие взгляды. Её слова долетали обрывками: «...скучно же... скоро приедем... погуляем...»

— Не смотри на них, — тихо сказал Андрей, не меняя позы. — Они — шум. Фон. Неважно.

— А что важно? — сорвалось у Эли.

Он медленно повернул к ней голову.

— Важно — где ты сейчас. И с кем.

В его глазах не было безумия. Была спокойная, леденящая уверенность. Та самая, что бывает у хирурга перед операцией или у палача перед казнью. Это было страшнее любой истерики.

Автобус резко свернул с грунтовки на узкую, разбитую лесную дорогу. Сосны сомкнулись над ними, закрыв небо. Свет стал зелёным, подводным. Воздух в салоне словно загустел.

— Эй, ребята, почти на месте! — крикнул с места один из вожатых, парень с косичкой. — Готовьтесь к лучшей смене в вашей жизни!

Кто-то сонно захлопал. Кто-то застонал. Ирен фыркнула.

Андрей наклонился к Эле так близко, что его губы почти коснулись её. Дыхание было тёплым, но слова — холодными, как лёд.

— Когда выйдем, иди за мной. Не отходи. Лес здесь... старый. А то вдруг потеряешься.

— Потеряюсь? — едва слышно спросила она с недоумением.

Он отодвинулся, и в уголках его губ дрогнуло что-то вроде улыбки.

— Ты — со мной. Значит, не потеряешься.

Автобус плавно остановился на просторной солнечной поляне. Воздух был свежим, пахло сосной и тёплой древеси-

ной. Лагерь «Долина Мира» оказался совсем не таким, как его малевала тревожная фантазия Эли.

Корпуса, аккуратно выкрашенные в голубой и бежевый, утопали в зелени. Вдалеке сияла гладь озера. На центральной площадке с новеньким флагштоком уже суетились вожатые в ярких футболках, раздавая указания. Звучали смех и крики других заезжавших групп — лагерь был большим, и смена обещала быть многолюдной.

Эля невольно выдохнула, чувствуя, как камень тревоги слегка сдвинулся с души. Может, всё не так страшно?

— Все сюда с вещами! Построение по корпусам! — крикнул знакомый вожатый с косичкой, и толпа зашевелилась.

Регистрация проходила бойко. За столом сидела улыбчивая женщина с бейджем «Начальник смены».

— Струнбрич Эльвира? Добро пожаловать! Корпус «А», комната 3. Девочки на втором этаже, — она протянула ключ с синим брелком.

— Андреев Андрей? Корпус «А», комната 4. Мальчики на первом. Вот ваш ключ, зелёный.

Ирен, стоявшая сзади, тут же вставила своё:

— О, как романтично! Под одной крышей. Удобно, Эль, если ночью уроки захочется позубрить. Или ещё чего-нибудь, покрепче.

Андрей проигнорировал её, взяв свой ключ и чемодан

Эли.

— Провожу, — коротко сказал он.

Корпус «А» оказался крайним, но отнюдь не мрачным. Двухэтажное деревянное здание с резными наличниками выглядело уютным и очень чистым. Он стоял чуть в стороне от остальных, ближе к лесу, что делало его даже более привлекательным — тише и живописнее.

Внутри пахло свежевывмытыми полами и хвоей. Солнечный свет лился из больших окон в просторном холле. Девочки-обитательницы уже шныряли по лестнице на второй этаж с чемоданами и визгом.

— Твой этаж, — кивнул Андрей на лестницу. — Моя комната здесь, на первом. Если что нужно — знаешь, где искать.

Его тон был обыденным, даже спокойным. Ничего зловещего. Он просто помог ей донести чемодан до второго этажа и указал на дверь с цифрой «3».

— Спасибо, — сказала Эля, чувствуя себя немного глупо за свои прежние страхи.

— Не за что. Отдыхай, разбирай вещи. Через час общий сбор на площади, — он повернулся к уходу, но задержался на секунду. — И, Эля... лес здесь красивый, но густой. Без вожатых далеко не уходи. Лагерь — он большой, можно заблудиться.

Он сказал это так, как мог бы сказать любой заботливый человек.

— Хорошо, — кивнула она.

— Отлично, — он слегка улыбнулся, и это была почти обычная, немного застенчивая улыбка. — Увидимся на сборе.

Он спустился по лестнице, и Эля зашла в свою комнату. Она оказалась светлой, с двумя кроватями, большим окном с видом на сосны и даже маленьким письменным столиком. Всё было чисто, опрятно и пахло свежестью.

Эля села на кровать и закрыла глаза. Тишина. Только далёкие голоса с улицы и шелест листвы за окном. Только уютная комната в красивом лагере.

Она открыла ладонь. В ней всё ещё лежала та самая деревянная пуговица. «НЕ ЛЕЗЬ В ЛЕС». Здесь, в этой солнечной комнате, она казалась просто куском старого дерева, деталью чьей-то глупой шутки или случайной потерей.

Эля сунула пуговицу в карман джинсов. «Бред, — сказала она себе. — Просто бред. Всё будет хорошо».

За окном пропела птица. Светлый, чистый звук. Эля улыбнулась, впервые за долгое время чувствуя лёгкость. Может, это и правда будет лучшая смена в её жизни.

Она встала, чтобы начать распаковывать вещи. За стеной, в соседней комнате, кто-то задвигал мебель. Обычные житейские звуки. Ничего более.

Общий сбор проходил на солнечной центральной площади. Человек сто ребят разного возраста, а может и больше,

шумели, переговаривались, вожатые пытались навести порядок через мегафоны. Было по-летнему жарко, и настроение у большинства приподнятое, отпускное.

Эля стояла с Еленой, которая без умолку комментировала всех подряд.

— Смотри, вон тот вожатый, кажется, на тебя пялится. А вон Ирен уже флиртует с кем-то из старших отрядов. Не теряет времени.

Ирен и правда стояла чуть поодаль, демонстративно смеясь над чем-то, что говорил ей высокий парень. Артём наблюдал за этим с каменным лицом, засунув руки в карманы.

Начальник смены, та самая улыбчивая женщина, представилась Светланой Петровной и начала зачитывать списки по корпусам. Когда она добралась до корпуса «А», Эля насто-рожилась.

— Корпус «А»! Слушайте состав: Андреев Андрей, Андреев Артём, Глушкова Елена, Данисова Ирен, Гринвич Лейла, Ковалёв Кирилл, Рудчинков Макс, Струнбрич Эльвира... — она продолжила, но Эля уже не слышала.

Корпус «А» оказался не просто их тихим углом. Это был их мирок в миниатюре, целиком перевезённый сюда. Андрей и Артём. Она, Елена, Ирен и Лейла. Плюс Кирилл и Макс — те самые дружки Артёма, что всегда крутились вокруг него.

Елена ахнула:

— Офигеть, нас всех в одну банку! Это ж надо такому случиться!

Эля поймала взгляд Андрея через толпу. Он стоял чуть в стороне, и на его лице не было удивления. Лишь лёгкое, едва заметное удовлетворение, как у шахматиста, сделавшего верный ход. Он что-то знал.

Артём, услышав список, хмыкнул и бросил Ирен колкий взгляд:

— Ну что, будешь теперь на первом этаже со мной тусоваться или на втором к умницам наведываться?

Ирен фыркнула, но ответить не успела.

Светлана Петровна продолжала:

— ...Корпус «А» считается у нас спокойным, всегда ответственным. Поэтому старшим по корпусу назначается Андреев Андрей. Все возникающие вопросы и проблемы — сначала к нему.

Это назначение вызвало лёгкий ропот. Кирилл и Макс переглянулись с немым вопросом к Артёму. Тот лишь скривил губы в усмешке. «Ботаник старшим. Ну конечно».

Ирен не выдержала:

— А почему именно он? Мы все одного возраста!

— По рекомендации школы и родителей, — весело парировала Светлана Петровна. — Андрей у нас самый сознательный! На него можно положиться. И он не первый раз тут. А теперь, ребята, расходимся по корпусам, через полчаса — обед в столовой!

Толпа начала расходиться. Елена тут же прицепилась к Эле.

— Старший по корпусу! Да он теперь наш царь и бог в этих стенах. Ты только вдумайся! Теперь все мелкие бытовые вопросы — к нему. Ключи, расписание уборки, свет после отбоя... Без него теперь не вздохнуть, не пёрнуть. Охренеть!

По дороге к корпусу «А» к ним присоединилась Лейла, двоюродная сестра Елены. Она была наблюдательной девочкой.

— Привет, — сказала она подругам. — Весёлая компания у нас подобралась, да? Особенно рада видеть Ирен после всего.

— Родная, всё потом, — вздохнула Елена.

Войдя в холл корпуса, они застали там Кирилла и Макса, которые уже растаскивали свои чемоданы по комнатам пер-

вого этажа.

— Комнаты по два человека! — выкрикнул Кирилл. — Мы с Максом тут, в пятой. Артём, ты, выходит, с Андреем в четвёртой?

Артём, который как раз входил в дверь, замер.

— С кем?

— С Андреем, — повторил Макс, указывая на открытую дверь комнаты 4, где у окна уже стоял чемодан Андрея. — Вы ж братья. Логично же.

На лице Артёма промелькнуло что-то вроде отвращения и злорадства одновременно.

— О, отлично. Буду ночами формулы слушать. Просто сказка.

Андрей вышел из комнаты, держа в руках список и связку ключей. Он был совершенно спокоен.

— Правила корпуса: тишина после 23:00, уборка по графику, ключи от корпуса у меня. В случае проблем — моя комната, 4. Всё понятно?

Он обвёл взглядом всех, и его взгляд на секунду задержался на Артёме. — Всех устраивает?

— Абсолютно, — с фальшивой сладостью в голосе ответил Артём. — Мечтаю о совместном досуге.

Ирен, поднимаясь по лестнице на второй этаж, бросила:

— Не ругайтесь там, мальчики. Стены тонкие, нам подробности знать не к чему.

Эля с Еленой и Лейлой поднялись на второй этаж. Их комнаты оказались рядом: у Эли и Елены — №3, у Лейлы — №4, через стенку.

Пока Елена с визгом осваивала свою кровать, Эля подошла к окну. Вид был действительно красивым: сосны, тропинка, уводящая вглубь леса. Солнце играло в ветвях. Но теперь, зная, кто находится прямо под ней, в комнате 4, этот вид казался уже не таким безмятежным.

Они были здесь все вместе. Как будто сама судьба свела их в одном месте, под одной крышей. Артём и Андрей — в одной комнате. Ирен — рядом с ней, на одном этаже. Все старые обиды, ревность, напряжение — всё это теперь будет кипеть в замкнутом пространстве деревянного корпуса на краю леса.

Эля потрогала в кармане пуговицу. «Не лезь в лес», — напоминала она. Но самая большая опасность, похоже, была не в лесу. Она была здесь, внутри этих уютных, чистых стен. И у неё было имя, и оно сидело прямо под ней, в комнате с зелёным брелком, разбирая книги по полочкам и чувствуя

себя в своей тарелке.

Столовая гудела, как гигантский улей. Запах борща и компота смешивался с гамом сотни голосов. Эля с Еленой и Лейлой, отстояв очередь с подносами, озирались в поисках свободного стола.

— Вон, кажется, свободно у окна, — указала Лейла.

Но пройти туда им не дали. Их путь преградила Ирен, которая шла под ручку с новой подругой — рыжеволосой девицей в ярких носках, которую она уже представила как «Соню из 11А». За ними следовали Кирилл и Макс, а чуть поодаль, с каменным лицом, шагал Артём.

— О, смотрите-ка, наше женское общество в полном составе, — сладко пропела Ирен, оглядывая Элю с ног до головы. — Устроились уже, принцесса? Комнатка ничего такая, да? Только тебе вид, наверное, не на озеро, а на лес. Ну, знаешь, для... романтического настроения с соседом снизу.

Елена закатила глаза:

— Ирен, да отцепись ты уже. Надоела.

— Я? Я ничего, — Ирен сделала невинное лицо. — Я просто за компанию беспокоюсь. Вдруг наш старший по корпусу ночью услышит, как ты по лесу гуляешь, и выйдет тебя оттуда выводить. С энциклопедией в руках. Романтика!

Её новая подруга Соня хихикнула.

Артём, проходя мимо, бросил, не глядя на Элю:

— Да уж, с энциклопедией или без — лишь бы не скучно было. А то в комнате с ботаником ночевать — можно и самому в говнянку превратиться. Только и слышно: «синус, косинус» да вздохи.

Кирилл и Макс громко загоготали. Артём позволил себе кривую усмешку. Было видно, что тема «комната с братом» его бесила.

— Может, хватит? — раздался спокойный голос сзади.

Все обернулись. Андрей стоял с подносом в руках. Он подошёл незаметно.

— Вы тут проход блокируете. И, между прочим, правила столовой: не шуметь и не мешать другим. Статья третья, если интересно.

Его тон был ровным, безразличным, но взгляд, скользнувший по Артёму и Ирен, был как лезвие.

— Ой, простите, ваше высокоумие, — закатила глаза Ирен. — Мы забыли, что вы тут главный по супу и тишине. Идём, Сонь, а то заразимся.

Она потянула подружку прочь, кинув Эле на прощание:

— Приятного аппетита, Эль. Кушай за двоих, не обляпайся.

Артём, бросая на Андрея взгляд, полный немого вызова, пошёл за остальными, пнув по пути ногой стул.

Андрей не обратил на это внимания. Он посмотрел на Элю.

— Свободное место есть за тем столом, — кивнул он в сторону угла, где действительно было пара свободных мест. — Если хотите.

Елена, не дожидаясь ответа, тут же потянула Элю и Лейлу в указанном направлении.

— Да, да, конечно! Спасибо, Андрюш!
Усевшись, Елена тут же начала шептать:

— Видала? Видала эту парочку? Артём просто зелёный от злости! Ему же теперь с Андреем жить! Это ж надо, так карта легла! Представляю, что там ночью творится.

— Помолчи уже, — прошипела Эля, но сама не могла оторвать глаз от братьев. Артём сел за стол напротив, рядом с Кириллом и Максом. Он что-то говорил им зло, отрывисто, жестикулируя. Время от времени его взгляд метнулся в сторону их стола. Нет, не на неё. На Андрея, который спокойно размешивал ложкой компот.

Андрей, чувствуя этот взгляд, поднял глаза. Братья на секунду встретились взглядами. Артём первый отвел глаза, с силой ткнув вилкой в котлету.

— Они друг друга ненавидят, — тихо сказала Лейла, наблюдая за этой немой сценой. — Как они в одной комнате

уживутся?

— А может, это и к лучшему, — Елена наклонилась к Эле. — Пока они друг друга жуют, до тебя очередь не дойдёт. Хотя... — она кивнула в сторону Ирен, которая за соседним столом что-то громко и фальшиво смеялась, глядя на их компанию. — У тебя тут врагов побольше, чем в какой-нибудь компьютерной игре.

Андрей встал, закончив есть.

— После обеда — свободное время до вечернего мероприятия. Осмотрите территорию, но не ходите далеко. Лесная тропа начинается сразу за нашим корпусом, но дальше двухсот метров без вожатого лучше не ходить.

Он посмотрел прямо на Элю.

— Это важно. Даже если очень захочется посмотреть, что там дальше.

Он ушёл, унося свой поднос. Артём, увидев это, тут же что-то едко сказал своим друзьям, и они снова загоготали.

Эля вздохнула. Лагерь, солнце, озеро... И полная банка старых, прокисших конфликтов, которые теперь предстояло делить на двоих в тесных комнатах корпуса «А». И где-то там, за красивой лесной опушкой, начиналась та самая тропа. Та самая, в которую «не лезть». А вокруг неё кипели свои, человеческие джунгли, где каждый был готов укусить.

И самыми опасными хищниками в них оказались не таинственные лесные твари, а те, кого она знала с детства.

После обеда солнце припекало по-настоящему летнее. Ребята из их корпуса разбрелись кто куда. Кирилл и Макс рванули к озеру с мячом. Лейла решила остаться в комнате — «перезагрузиться от дороги». Елена же, разгоревшись от сплетен и интриг, схватила Элю за руку:

— Пошли! Осмотрим наши новые владения! Надо же знать, где что находится. Особенно — где Ирен будет тусоваться, чтобы не ходить по таким местам.

Они вышли на крыльцо корпуса «А». Отсюда открывался вид на уходящую вглубь соснового бора ухоженную тропинку с указателем «К озеру». С другой стороны корпуса, почти вплотную к лесу, начиналась другая, более узкая и не такая опрятная тропа. На её начале висел маленький, потрёпанный знак: «Экотропа. Проход только с сопровождающим».

Эля невольно потрогала карман с пуговицей.

— О, смотри-ка, запретка, — оживилась Елена. — Интересно, что там такого, что без присмотра нельзя?

— Может, болото, — пожалала плечами Эля, стараясь звучать равнодушно. — Или скользкие камни.

В этот момент из-за угла корпуса вышли Ирен с Соней и Артём. Они явно что-то оживлённо обсуждали.

— ...ну я говорю, пошли глянем, что за фигня там, — доносился голос Ирен. — Знак как будто специально, чтобы

народ цепляло. Наверняка ничего интересного.

— Ага, наверняка, — усмехнулся Артём, заметив Элю и Елену. Он тут же сменил тон на показно-равнодушный. — Чего уставились? Тоже по тропе грешных собираетесь прогуляться?

— Мы просто воздухом дышим, — парировала Елена. — Вам бы тоже не помешало — проветрить мозги.

Ирен фыркнула, но её внимание привлекло что-то позади девочек. На пороге корпуса появился Андрей. Он шёл не к ним, а к небольшому сараю с инвентарём, видимо, по какому-то делу. Но его появление заставило всех на секунду замолчать.

Артём, следивший за братом, вдруг громко и нарочно сказал, обращаясь к Ирен, но глядя на Элю:

— Ага, вот и наш надзиратель вышел. Проверить, все ли на месте. Может, уже списки сверяет, кто на прогулку пошёл без спросу. Эль, тебе, наверное, отпроситься надо, если куда собралась? А то вдруг забеспокоится.

Эля приподняла бровь, равнодушно смотря на Артёма.

— Мне никто ничего не должен разрешать, — сквозь зубы процедила она.

— Ну да, ну да, — Артём усмехнулся. — Самостоятельная. Только почему-то всё время рядом с ним трёшься. То

уроки, то комнаты соседние, то вот он — вышел, а ты тут как тут..

— Артём, пойдём, — неожиданно резко сказала Ирен, прищурив глаза. — Чего к ней пристал? Пошли уже, а то Соньке надо потом маме звонить. Отчитаться.

Она потянула его за рукав, и троица, бросая колкие взгляды, двинулась по тропе к озеру.

Елена выдохнула.

— Ну и нервы у этого Артёма. Его как будто подменили. Раньше он тебя в упор не замечал, а теперь только и делает, что язвит.

— Ему брат покоя не даёт, — тихо сказала Эля, глядя, как Андрей, достав что-то из сарая, спокойно возвращается в корпус, абсолютно игнорируя их сцену. — А я просто... под обстрел попала.

— Ага, попала, так попала, — Елена подмигнула. — Мне кажется, он тебя по-прежнему в тайне кочет видеть рядышком. Просто теперь ещё и злится, что ты с его братом... ну, как бы это... коммуницируешь.

— Давай закончим этот разговор, — вздохнула Эля. — Мне не хочется об этом думать. Хочется, чтобы всё это прекратилось.

Они медленно пошли по главной аллее в сторону центра лагеря. Вдруг сзади раздались быстрые шаги. Оборачиваться

не пришлось — они узнали лёгкую, семенящую походку.

— Девочки! Пойдите!

Это была Светлана Петровна, начальник смены. Она догнала их, немного запыхавшись.

— Вот и отлично, что вы мне попались. Эльвира, я как раз тебя искала. У нас небольшая просьба.

Эля насторожилась.

— Ко мне?

— Дело тебе. Видишь ли, у нас в лагере есть традиция — «Визитка отряда». Корпус «А» — он у нас хоть и разновозрастной, но компактный, почти готовый отряд. Мы думали, может, вы что-то подготовите? Номер небольшой. Ты же у нас творческая, я смотрю, в театральную школу ходила, на танцы, да и в конкурсах участвовала. Может, что-то с ребятами из корпуса поставишь? Андрей тебе поможет как старший.

Эля почувствовала, как у неё внутри всё опускается. Ещё больше времени с Андреем. На глазах у всего лагеря. И у Артёма с Ирен.

— Я... не знаю, — попыталась отказаться она. — Мы же только приехали, все незнакомые... — пыталась соврать.

— Вот именно! Завтра будет «Визитка». Успехов!— обрадовалась Светлана Петровна, как будто Эля сказала «да». — Чтобы сплотиться, познакомиться! Андрей уже согласился помочь с организацией. Я в тебя верю! Подумайте, можете песню, сценку, танец... что угодно! До ужина есть время обсудить с ребятами.

И она, весело помахав, побежала дальше.

Елена округлила глаза.

— Офигеть. Тебе и Андрею теперь квест «сплотить несплощаемое». В нашем-то зверинце. Это будет что-то. Представляю, как Ирен будет в сценке участвовать. Или Артём.

Эля просто стояла, чувствуя, как ловушка тихого, уютного корпуса «А» захлопывается ещё одним, прочным засовом. Теперь у неё было «дело».

Она посмотрела на корпус, такой безобидный на солнце.

Андрей собрал их всех перед ужином у крыльца корпуса «А». Солнце клонилось к вершинам сосен, отбрасывая длинные тени. Собралась вся обойма: Эля с Еленой и Лейлой, Ирен с Соней, Артём с Кириллом и Максом, и ещё пара ребят из других комнат, которые тоже попали в их «отряд». Все с неохотой и откровенным скучающим видом.

— Итак, — начал Андрей без предисловий, держа в руках

тот же блокнот. — Светлана Петровна поручила нам подготовить «Визитку отряда» на мероприятие. Нужно что-то короткое, минут на пять. Предлагайте идеи.

Первой, как всегда, встряла Ирен, скрестив руки на груди:

— Ой, да зачем нам это? Мы что, в театральный приехали? Можно просто всем встать и хором сказать «Приве-е-ет».

— Не креативно, — тут же отрезал Кирилл.

— А тебе виднее, — фыркнула Ирен. — Тогда пусть наш «старший по творчеству» что-нибудь предложит.

Все взгляды устремились на Андрея. Он не моргнул.

— Я предлагаю структурированный мозговой штурм. Записываю все варианты, затем голосование.

— Ску-у-чно, — протянул Артём, не отрываясь от своего телефона. — Давайте уже что-нибудь дельное. Типа... пародии на вожатых.

Елена оживилась:

— О, да! Можно изобразить Светлану Петровну, как она мегафоном орёт!

— Или нашего вожатого с косичкой, — подхватила Лейла, — который всё время говорит «ребята, это же крутяк!».

Некоторых это даже развеселило. Но Андрей покачал головой.

— Рискованно. Могут обидеться. Нужно что-то нейтральное, но запоминающееся.

— Песню! — выпалил Макс. — Какую-нибудь известную, переделать слова под лагерь.

— Уже было миллион раз, — вздохнула Соня.

— Танец? — неуверенно предложила одна из девочек из соседней комнаты.

— А если кто-то не умеет? — тут же парировал другой парень.

Предложения сыпались, но каждое тут же разбивалось о чьё-то «не хочу» или «это глупо». Начинаясь обычная для таких собраний канитель. Эля молчала, наблюдая, как Артём постепенно отрывается от телефона. Его взгляд блуждал по собравшимся, и в глазах зрела знакомая искра.

— Значит так, — вдруг чётко сказал Артём, перебивая чей-то спор о пантомиме. — Все варианты — бред. Песни — для детсада, танцы — для амбициозных, пародии — для

самоубийц. Давайте сделаем что-то живое. Сценку.

Все замолчали, смотря на него.

— Какую? — спросил Андрей, карандаш наготове.

— Из жизни, — Артём ухмыльнулся. — Например... как группа самых разных людей пытается придумать эту самую «визитку». Мета-сценка. Прямо как мы сейчас. Только смешнее.

Идея висела в воздухе. Она была... неожиданной.

— То есть, мы играем самих себя? — уточнила Елена.

— Ну, типа, — Артём вышел на импровизированную «сцену» перед крыльцом. — Вот я — скучающий хулиган, который только и делает, что всех критикует. — Он изобразил преувеличенно-скептическую мину. — Вот Ирен — светская львица, которой всё не нравится. — Ирен насупилась, но промолчала. — Вот Андрей — уважаемый председатель нашей гоп-стоп компашки. — Андрей не изменился в лице. — А вот Эля... — он сделал паузу, его взгляд упал на неё, — ...наш «творческий мотор», который пытается всех примирить и что-то придумать, а её не слушают.

Эля почувствовала, как на неё снова обращают внимание. Сценарий, где она была центром, заставил её напрячься.

— И что в итоге? — спросил Кирилл.

— А в итоге, — Артём развёл руками, — после всех споров и неразберихи, мы все внезапно хором говорим какую-нибудь простую и дурацкую фразу. Типа «Корпус «А» — ваша печаль!» или что-то в этом духе. И кланяемся. Весь юмор в том, что мы показываем наш бардак, но в конце концов — мы одна команда. Ну, типа этого.

Предложение повисло. Оно было странным, но в нём был и смысл. Это было про них. Это было легко. И в этом был Артём, который неожиданно предложил не саморазрушительный, а почти что... сплывающий вариант.

— Логично, — после паузы произнёс Андрей, делая запись. — Минимум реквизита, максимум узнаваемости. Каждый играет утрированную версию себя. Безопасно и соответствует задаче.

— То есть, я должна буду изображать саму себя? — скептически спросила Ирен.

— А что, сложно? — парировал Артём. — Тебе же это и в жизни удаётся замечательно.

Ирен бросила на него колкий взгляд, но промолчала. Она, кажется, не могла решить, что её больше бесит: сама идея или то, что её предложил Артём, разместив в центре этого пирога Эльвиру Струнбрич.

— А кто что говорит? — спросила Лейла.

— Импровизация в рамках образа, — пожал плечами Артём. — Главное — сохранять типажи. Я ною, Ирен брезгливо морщится, Андрей всё систематизирует, Эля пытается всех направить в конструктивное русло, а вы все, — он обвёл взглядом остальных, — массовка, которая поддерживает то одного, то другого.

Он посмотрел на Элю.

— Ну что, «творческий мотор», справишься? Или тебе не нравится?

Эля чувствовала взгляд Андрея. Он наблюдал, анализировал.

— ...Ладно, — сказала она. — Если все согласны.

— Отлично! — хлопнул в ладоши Кирилл, — Всегда рады любой движухе. Значит, репетируем!

— Репетиция через сорок минут, после ужина, здесь же, — объявил Андрей, закрывая блокнот. — У всех будет время подумать над своими репликами. И, пожалуйста, — он бросил взгляд на Артёма, — без излишней... экзальтации. Мы представляем корпус, а не цирк.

— Естественно, — с фальшивой почтительностью ответил Артём.

Собрание распалось. Ирен, проходя мимо Эли, бросила сквозь зубы:

— «Творческий мотор». Ну да, конечно. Только мотор-то, я смотрю, на чужом топливе работает.

Эля предпочла не отвечать. Она смотрела, как Артём, обсуждая что-то с друзьями, удаляется к корпусу. Его идея была умнее, чем можно было ожидать. Она ставила их всех в равные условия, но при этом выдвигала её и его на первый план — как два полюса, вокруг которых всё крутится. Он не стал давить или унижать. Он предложил игру. Но в каждой игре Артёма всегда была ловушка. Вопрос был лишь в том, где она спрятана.

Андрей, поравнявшись с ней, тихо сказал:

— Интересный тактический ход. Сделать слабость — силой. Показать разброд, но преподнести его как изюминку.

— Ты это... одобряешь? — удивилась Эля.

— Я констатирую, — он пожал плечами. — Это эффективно. И, что важно, — он посмотрел на неё, — он не стал противопоставлять тебя всем. Он вписал тебя в общую схему. Это... разумно.

С этими словами он пошёл внутрь. Эля осталась на крыльце, глядя, как солнце окончательно прячется за соснами.

Тактика. Игра. Разумность. Казалось, все вокруг играли в шахматы, пока она одна пыталась просто не упасть с доски. И с каждым ходом доска становилась всё уже, а фигур вокруг — всё больше.

Ужин в столовой прошёл шумно. За столиками кипели свои микрособытия. Эля сидела с Еленой и Лейлой, стараясь не смотреть в сторону Артёма, который устроился с Кириллом и Максом и продолжал что-то оживлённо жестикулировать — видимо, развивая свою режиссёрскую идею. Ирен с Соней хихикали в стороне, но их взгляды то и дело скользили по залу, словно выискивая новые мишени для обсуждения.

Андрей сидел за отдельным столиком с другими «старшими» из разных корпусов, погружённый в разговор с вожатым. Он изредка бросал взгляд на их часть зала, но его выражение лица ничего не выдавало.

После ужина, когда сумерки окончательно сгустились, а на небе зажглись первые крупные звёзды, корпус «А» собрался на крыльце на репетицию. Вожатые включили фонари, висящие на стене, бросив жёлтые пятна света на асфальтовую площадку перед крыльцом. Было прохладно, и многие из ребят накинули кофты.

— Итак, гении, — начал Артём, расхаживая перед «сценой». — Суть проста. Мы все стоим тут вразнобой. Я начинаю. Говорю что-то вроде: «Ну и зачем мы тут собрались,

скукота смертная». Ирен, ты тут же подхватываешь: «Абсолютно согласна, мне бы лучше ногти пилить». Поняли? Преувеличиваем свои черты.

Он распределял роли быстро, уверенно, будто держал весь сценарий в голове. Кириллу и Максуде досталась роль «стай», которая просто повторяет за Артёмом на разные лады. Лейле — роль тихой девочки, которая всё время пытается всех помирить разумными предложениями, но её никто не слышит. Елене — роль подруги, которая мечется между поддержкой Эли и желанием присоединиться к «критикам».

— Эля, — Артём остановился перед ней. — Твоя задача — пытаться всех организовать. Говоришь что-то вроде: «Ребята, давайте сосредоточимся!», «Может, всё-таки попробуем?». Ты — голос разума, который тонет в этом хаосе. Но в итоге, после того как все переругаются, ты сдаёшься и говоришь что-то вроде: «Ладно, давайте просто скажем что-нибудь дурацкое и разойдёмся». И тут все дружно, как по команде, выпаливаем нашу финальную фразу.

— А какая фраза? — спросила одна из девочек.

— Придумаем в процессе, — махнул рукой Артём. — Что-нибудь короткое и бодрое. «Корпус А — чемпион!» или «Нас не догонят!». Не важно. Важна энергия.

Андрей стоял в стороне, прислонившись к косяку двери, с блокнотом в руках. Он не вмешивался, только изредка делал пометки.

— Начинаем с начала, — скомандовал Артём. — Становимся как попало. Эля, ты в центре.

Первая попытка была полной неразберихой. Все перебивали друг друга, смеялись, забывали реплики. Ирен с нарочной брезгливостью произносила свои фразы, глядя на ногти. Кирилл и Макс переигрывали, изображая туповатых головорезов. Елена путалась, кого ей поддерживать.

— Стоп! — Артём хлопнул в ладоши. — Кирилл, Макс, вы не гориллы в зоопарке, чуть сдержаннее. Ирен, брезгливость — да, но без вот этого вот... «я всех вас ненавижу». Эля, говори громче, уверенней! Ты же нас ведёшь в светлое будущее, а не на исповедь, в церковь!

Стоять в центре, под пристальными взглядами, и произносить наигранно-оптимистичные фразы было мучительно. Особенно когда она видела, как Артём наблюдает за ней — не как режиссёр, а с каким-то оценивающим, изучающим взглядом.

— Давай ещё раз, — сказал он, и в его голосе не было насмешки. Было требование. — С самого начала. И помните — это же про нас. Вкладывайте в это хоть каплю правды.

Вторая попытка пошла лучше. Реплики стали чёткими, появился ритм. Эля, взяв себя в руки, произнесла свои строки с вызовом, глядя прямо на Артёма, как будто и вправду пыталась его переубедить. Он в ответ ухмылялся и парировал с таким естественным сарказмом, что это даже перестало казаться игрой.

— Неплохо, — пробурчал он, когда они дошли до финальной части. — Теперь финальную фразу. Давайте что-нибудь... неожиданное. Не «чемпион», это банально. Что-нибудь из нашего быта.

— «Корпус А — отбой в 23:00!» — предложил Кирилл.

Все засмеялись.

— Слышь, начальство обидится, — покачал головой Макс.

— «Корпус А — все дома!» — крикнула Елена.

— Бред, — отрезала Ирен.

Артём задумался, его взгляд скользнул по крыльцу, по тёмным окнам корпуса, по силуэту Андрея в дверях.

— Я знаю, — сказал он медленно. — «Корпус А — граница на замке».

Фраза повисла в ночном воздухе. Она была странной. Не весёлой, не бодрой. В ней был какой-то... оттенок. Как будто он говорил не про дверь корпуса.

— Почему именно это? — тихо спросила Лейла.

— Потому что мы крайний корпус, — пожал плечами Ар-

тём, но его глаза блеснули в свете фонаря. — Мы на границе. Между лагерем и лесом. Так и скажем. Будет... с намёком.

Все переглянулись. Фраза была нестандартной, в ней присутствовала своя изюминка, своя мрачноватая крутость.

— Мне нравится, — неожиданно сказал Андрей со своего места. Он не смотрел ни на кого, поправляя очки. — Коротко, ёмко, соответствует нашему расположению. И не противоречит правилам.

Его одобрение, высказанное таким сухим, бюрократическим тоном, словно поставило точку. Фраза была принята.

— Отлично, — Артём выглядел довольным. — Тогда последний прогон. От начала до конца, с финальным криком. И чтобы все, включая массовку, кричали хором. Понятно?

Последняя репетиция прошла на удивление слаженно. Даже Ирен, скривив губы, выкрикнула финальную фразу вместе со всеми. Когда они хором прокричали «Корпус А — граница на замке!», эхо прокатилось по спящему лагерю и утонуло в тёмной стене леса.

Артём хлопнул в ладоши.

— Всё, свободны. Завтра вечером — выход. Не подведите.

Ребята стали расходиться, обсуждая репетицию. Эля собиралась уходить с Еленой, когда Артём окликнул её:

— Струнбрич, остановись.

Она обернулась. Он подошёл близко, так, что другие не слышали.

— Неплохо, — сказал он без ухмылки. Голос был низким, почти серьёзным. — На сцене держишься прекрасно. Я думал, будешь мямлить передо мной. Ты же только безмолвные выкидоны умеешь крутить.

— Спасибо за лестную оценку, — съязвила Эля.

— Не за что, — он не обратил внимания на её тон. — Завтра главное — не тупить. И смотри... — он на секунду замолчал, его взгляд стал пристальным. — На сцене будь собой. Той, которая сегодня кричала, чтобы все замолчали. Она... подходит.

Он не стал ничего объяснять. Кивнул и пошёл в корпус, оставив Элю в полном недоумении.

Андрей, проходя мимо, остановился.

— Фраза про границу, — произнёс он задумчиво. — Интересный выбор. Почти... пророческий.

Он посмотрел на тёмный лес, затем на Элю.

— Иди спать. Завтра большой день. И помни, — он по-

низил голос, — какими бы ни были игры на сцене, настоящая граница проходит не там. Она здесь. — Он слегка ткнул пальцем себе в висок. — И её нужно охранять куда тщательнее, чем любую дверь.

С этими словами он исчез в темноте корпуса. Эля осталась стоять одна под звёздами, с чувством, что её только что посвятили в правила игры, смысла которых она по-прежнему не понимала. «Граница на замке». А где-то в темноте, за спиной, лес молчал, храня свои секреты.

Глава 8

Утро перед выступлением было странно спокойным. Солнце светило, птицы пели, и лагерь жил своей размеренной курортной жизнью. Но в корпусе «А» витало напряжённое ожидание. За завтраком все перешёптывались, обсуждая вечернее выступление.

Ирен, сидя за соседним столиком с Соней, громко заявила:

— Ну, надеюсь, сегодня наш «творческий мотор» не заглохнет по середине сцены. А то вчера на репетиции еле слова давила.

— Не переживай, — парировала Елена, не глядя на неё. — Главное, чтобы у некоторых «голос разума» не сорвался на визг.

Ирен только презрительно фыркать не забывала.

Артём сидел со своими друзьями, но был непривычно молчалив. Он разглядывал ложку, словно в ней было что-то невероятно интересное, а его взгляд время от времени скользил по залу, выхватывая то Элю, то Андрея. Андрей, как всегда, завтракал в одиночестве, погружённый в какую-то книгу, но Эля заметила, что он ни разу не перевернул страницу.

После завтрака Светлана Петровна объявила, что день будет свободным, чтобы отряды могли завершить подготовку. Ребята из корпуса «А» разбрелись кто куда. Кирилл и Макс рванули играть в футбол. Лейла ушла читать в комнату. Елена пыталась затащить Элю к озеру — «развеемся», но та отказалась. Ей нужно было побыть одной.

Она вышла на заднее крыльцо корпуса, туда, где началась та самая «экотропа» с запрещающим знаком. Утро полностью рассеяло ночные страхи. Тропинка, освещённая солнцем, казалась вполне безобидной и даже манящей. Воздух пах хвоей и влажной землёй. Эля присела на ступеньку, закрыла глаза и попыталась представить вечернее выступление. Крики, свет софитов, все эти лица... И Артём напротив, с его саркастичными репликами. «Будь собой», — сказал он. Какой?

— Искала уединения? — раздался спокойный голос.

Эля вздрогнула и открыла глаза. Андрей стоял рядом, держа в руках две пластиковые кружки с чем-то дымящимся.

— Чай, — пояснил он, протягивая одну. — Из термоса. Тут, в корпусе нашёл, кипяток налили в столовой.

Эля молча взяла кружку. Чай был крепким, сладким и неожиданно вкусным.

— Спасибо.

— Не за что. Волнуешься?

— Немного, — призналась она.

— Напрасно, — он присел рядом, но на приличном расстоянии. — Сценка простая. Главное — не смотреть в зал. Смотри на нас, на «сцену». Мы — твой мир в эти пять минут. Остальное — шум.

— Легко сказать.

— Ты же не первый раз на сцене, — он отпил из своей кружки. — Я лично не люблю публичных выступлений. Но это — игра по правилам. Правила известны, противники — тоже. В таких условиях проще.

Он говорил так, будто обсуждал математическую теорему. Без эмоций, чистая логика.

— Ты считаешь Артёма противником? — спросила Эля.

Андрей задумался.

— Соперником. В этой конкретной игре. У него своя цель, у меня — своя. У тебя — своя. Пока цели пересекаются на этом «поле» — мы играем вместе.

— А какая у него цель? — не удержалась Эля.

Андрей посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то вроде... усталой грусти.

— Доказать, что он может. Всегда. Во всём. Даже в том, что якобы неважно. Особенно в том, что неважно.

Он замолчал, и они сидели в тишине, слушая шелест листьев. Потом Андрей вдруг сказал:

— Эта фраза... «Граница на замке». Она тебе ничего не напоминает?

Эля нахмурилась.

— Нет. А что?

— Про запрет. Артём, сам того не ведая, возможно, обозначил самое важное. Наш корпус — последний рубеж. За ним — лес. А лес... он не просто деревья, Эля. Он живой. И у него свои законы. И одна из границ — это наш корпус. Наша... ответственность.

Его слова звучали не как мистическая страшилка, а как научный факт. От этого становилось ещё более не по себе.

— Ты это серьёзно?

— Я серьёзен всегда, — он поставил пустую кружку на ступеньку. — Просто имей в виду. Сегодня вечером, когда мы будем кричать эту фразу... мы не просто для зала её кричим. Мы её... провозглашаем. И некоторые вещи слышат такие провозглашения. И принимают к сведению.

Он встал.

— Не бойся сцены. Бойся беспечности. И помни — граница на замке только тогда, когда её охраняют. — Он кивнул и ушёл обратно в корпус, оставив Элю с холодной кружкой в руках и новыми, леденящими душу мыслями.

Вечером, перед самым выступлением, в их гримёрке (обычной классной комнате, отведённой под подготовку) царила нервная суета. Все переодевались в обычную одежду, но как-то по-особенному — ярче, заметнее. Ирен придиралась к своей причёске. Елена пыталась успокоить всех. Кирилл и Макс дурачились, надевая кепки задом наперёд.

Артём стоял у окна, глядя на площадь, где собирался зрители. Он был сосредоточен и молчалив.

— Все готовы? — спросил он, не оборачиваясь.

— Вроде да, — ответила Лейла.

— Тогда слушайте последний наказ, — он повернулся. Его лицо было серьёзным, без тени обычной насмешки. — Забудьте, что это шутка. Вложите в это всё. Все свои обиды, весь свой характер, всю свою силу. Чтобы поверили. Чтобы запомнили. И главное — финальную фразу. Кричите так, как будто от этого зависит ваша жизнь. Потому что... — он запнулся, словно поймав себя на чём-то. — Потому что так оно и есть. Мы представляем не просто отряд. Мы представляем границу. Так давайте покажем, что она — нерушима.

Все замолчали, поражённые его тоном. Даже Ирен перестала вертеться перед зеркалом. В его словах была странная, почти зловещая убеждённость.

В этот момент в дверь постучали. Вошёл Андрей.

— Нас вызывают. Через пять минут выход.

Его взгляд встретился с взглядом Артёма. Между братьями пробежала молчаливая, напряжённая искра понимания. Казалось, они оба знали что-то, чего не знали остальные.

— Пошли, — просто сказал Артём.

Они выстроились в коридоре. Сердце Эли бешено колотилось. Она чувствовала, как дрожат руки. Впереди слышались аплодисменты и голос ведущего, объявляющего номер.

— Не бойся, — прошептал кто-то рядом. Он стоял сзади, и его дыхание коснулось её затылка. — Я здесь.

И в этот момент не было ни ревности, ни страха. Была

лишь странная уверенность, что он, со своей холодной логикой и непонятными знаниями, — единственная надёжная точка в этом безумии. Эля обернулась посмотреть на стоящего за собой. Она и не боялась сцены, Эля боялась другого.

— Корпус «А», на выход! — прошептал вожатый, открывая дверь на сцену.

Яркий свет софитов ударил в глаза. Гул зала обрушился на них. Эля сделала шаг вперёд. Вслед за Артёмом, который шёл впереди с таким видом, будто владел этим пространством с рождения. Игра началась. Самый важный спектакль в её жизни. Спектакль, где шутка о границе могла оказаться страшной правдой, а зрителями были не только люди в зале.

Их выход стал оглушительным успехом. Публика — сотня с лишним таких же подростков — оценила точную, немного утрированную пародию на самих себя. Когда Кирилл, изображая «туповатого сторонника Артёма», нарочно потерял равновесие и с грохотом рухнул на пол, увлекая за собой вскрикнувшую Виолетту, в зале взорвался хохот. Это была незапланированная, но блестящая импровизация, добавившая сценке живости.

Ирен с её брезгливыми репликами и Артём с убийственным сарказмом были бесподобны. Эля, забыв о страхе, вложила в свою роль «творческого мотора» всю накопившуюся за последние дни досаду и упрямство. Она кричала на Артёма так убедительно, что некоторые в первых рядах даже

притихли. А когда вся их разрозненная группа в финале, после слов Эли «Ладно! Давайте просто крикнем что-нибудь и уйдём!», взорвалась хором: «КОРПУС А — ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ!» — зал взревел от восторга и аплодисментов.

Отходя со сцены под оглушительные овации, Эля чувствовала прилив адреналина и странной радости. Они сделали это. И сделали круто.

После того как все отряды представили свои «визитки», ведущий объявил следующую часть: придумать название и кричалку-лозунг для своего временного отряда. На подготовку — пятнадцать минут.

Андрей собрал их всех в тесный круг в углу актового зала, за кулисами. Воздух был густ от пота, нервного возбуждения.

— Предлагайте варианты, быстро, — сказал он, доставая блокнот. Глаза его горели холодным, сосредоточенным огнём — они выиграли первый раунд, и он намеревался выиграть и этот.

Предложения посыпались градом: «Молния», «Тигры», «Альфа» — всё банальное и надоевшее.

— Скучно, — отрезал Артём. Его щёки горели от сцены, волосы были в беспорядке. — Мы же уже заявили о себе как неформалы. Давайте что-то... с подвохом.

— «Граница на замке» — уже есть, — заметила Лейла.

— Это лозунг, наш, — парировал Андрей. — Нужно слово или короткая фраза.

И тут Ирен, всё ещё высоко державшая нос после успеха, сказала с язвительной усмешкой:

— Давайте «Нелегалы». Раз мы на границе.

Все засмеялись, но идея была слишком дерзкой даже для них.

И тут Елена, глядя на Кирилла, который всё ещё потирал ушибленный локоть, вдруг выпалила:

— А давайте «Косолапые»! В честь нашего самого грациозного участника!

Кирилл скорчил гримасу, но все снова захихикали. Идея была абсурдной, но... в духе их сегодняшнего безумия.

— И кричалка! — подхватил Макс, вдохновлённый. — «Косолапые вперёд, нас никто не обойдёт!» Или... «Косолапые — сила, с нами вы непобедимы...!»

Предложение повисло в воздухе. Оно было глупым, смешным и идеально отражало тот хаотичный, но неуправляемый дух, который они только что продемонстрировали. Даже Андрей, подумав, медленно кивнул.

— Принимается. Это запомнят. И это не противоречит общим правилам, так как является метафорой... своеобразной сплочённости.

Так отряд корпуса «А» стал «Косолапыми». Когда ведущий вызывал их для объявления названия, и они хором, с дурацкой серьёзностью, прокричали свой лозунг, зал снова покотился со смеху. Это была победа. Чистая, безоговорочная победа дурачества и искренности над шаблонами.

Когда жюри объявило результаты, никто не удивился: Первое место — отряд «Косолапые», корпус «А»!

Их окружили, хлопали по плечам, кричали. Ирен впервые за день улыбнулась настоящей, не ехидной улыбкой. Кирилл и Макс ревели как тюлени. Артём стоял чуть в стороне, с той же странной, задумчивой удовлетворённостью на лице. Андрей, получив из рук Светланы Петровны грамоту, кивнул сдержанно, но уголки его губ дрогнули.

А потом ведущий, улыбаясь, объявил:

— И, как полагается после таких трудов — награда! Сегодня после ужина — ОТБОЙ ОТМЕНЯЕТСЯ! Дискотека у костра на главной площади! Не проспите!

После ужина на площади зажгли огромный костёр. Звучала громкая музыка, мерцали гирлянды. Победа и ощущение всеобщего праздника сняли многие барьеры. Даже ребята из

разных корпусов смешались, танцевали, дурачились.

Эля стояла с Еленой и Лейлой на краю танцпола, потягивая сладкий напиток из пластикового стаканчика. Она чувствовала приятную усталость и лёгкость. Может, всё и правда будет хорошо? Может, лагерь — это просто лагерь?

— Эля.

Она обернулась. Артём стоял перед ней. Он был без своей обычной нарочной небрежности. Выглядел серьёзным, почти сосредоточенным.

— Можно тебя на минуту?

Елена и Лейла переглянулись, но отошли, давая поговорить.

Артём провёл её чуть в сторону, к краю освещённой площади, где свет костра уже терялся в тени деревьев. Шум музыки здесь был приглушён.

— Что хотел? — спросила Эля.

— Ничего, — сказал он, глядя не на неё, а куда-то в темноту за её спиной. — Просто хотел сказать... сегодня ты была огонь. На сцене. Прямо... настоящая.

— Спасибо, — удивилась она. — Ты тоже.

Он кивнул, но, казалось, не слышал. Потом его взгляд резко вернулся к ней, стал острым, пронзительным.

— Я тогда, на собрании... про поцелуй. Я думал об этом. Как о финале сценки. Но не для смеха.

Эля замерла. Сердце ёкнуло.

— Артём...

— Я не знал, когда это сделать, — перебил он, и в его голосе зазвучала какая-то странная, сдавленная торопливость. — Сначала думал — на сцене. Потом — после победы. Но сейчас... сейчас, кажется, самое время.

Он не дал ей опомниться. Одной рукой он взял её за подбородок — нежно, но твёрдо, заставив посмотреть на себя. В его глазах плясали отблески костра и что-то ещё — решимость, давно зревшая и наконец прорвавшаяся.

— Потому что завтра всё может измениться. А сегодня мы — победители.

И он поцеловал её. Не как в той детской фантазии о сценке, а по-настоящему. Твёрдо, властно, без тени сомнения или игры. В этом поцелуе была вся его накопившаяся злость, ревность, недосказанность и это странное, необъяснимое вле-

чение, которое он так яростно отрицал. Эля на мгновение остолбенела, затем инстинктивно ответила на поцелуй, захваченная врасплох и этой внезапной волной чувств, которых она так долго ждала от него.

Время будто остановилось. Потом он резко отпустил её, отступил на шаг. Дышал тяжело.

— Вот, — хрипло выдохнул он. — Теперь ты знаешь.

И прежде чем она успела что-то сказать — сказать, крикнуть, ударить, — он развернулся и растворился в толпе у костра, оставив её одну на краю света и тени, с губами, всё ещё помнящими вкус его поцелуя, и в уме, взорвались тысяча вопросов.

Из темноты, из-за ствола сосны, на неё упала тень. Эля вздрогнула и обернулась. Неподвижный как изваяние, стоял Андрей. Он смотрел на неё. Не на Артёма, скрывшегося в толпе. На неё. Его лицо в полумраке не выражало ничего. Ни злости, ни удивления. Оно было пустым. Холодным. Как маска. Но в его глазах, отражавших далёкий огонь костра, бушевала целая вселенная из тёмного, немого понимания. Он всё видел.

Он медленно повернулся и ушёл в сторону корпуса, не сказав ни слова. А Эля осталась стоять, разрываясь между жаром на губах и леденящим холодом того взгляда. Победа внезапно обрела вкус пепла и предчувствия. Самая важная граница — та, что внутри, — только что была грубо наруше-

на. И сохранить её теперь казалось невозможным.

После того, как Артём растворился в толпе, Эля не побежала в корпус. Вместо этого она нашла в толпе взволнованные глаза Елены и махнула ей рукой. Лена тут же протиснулась сквозь танцующих.

— Что случилось? Ты белая как полотно! Артём опять что-то выкинул?

— Лен, мне нужно поговорить. Сейчас же.

Они отошли подальше от грохочущих колонок, к самому краю освещённой площади, где свет костра уже боролся с наступающей лесной темнотой. Сели на старый пень. И Эля выпалила всё. Про поцелуй. Про странные, пугающие слова Артёма. Про своё смятение.

Елена слушала, широко раскрыв глаза, не перебивая. Когда Эля закончила, она долго молчала, а потом выдохнула:

— Ва-у. То есть... он реально так... внезапно? После всех этих игр и уколов?

— Да, — Эля сжала руки в кулаки, чувствуя, как дрожь наконец начинает отпускать. Говорить об этом вслух было как вскрывать нарыв — больно, но становилось легче.

— И что ты чувствуешь? — осторожно спросила Елена.

— Не знаю! — Эля провела руками по лицу. — С одной стороны... это же он. Артём. Тот, кого я... Ну, ты знаешь. С другой... это было так... будто он не целовал, а ставил печать. «Моё». И от этого стало страшно. И будто я ему что-то должна теперь.

— Нихрена ты ему не должна, — твёрдо сказала Елена. — Это он на тебя набросился без предупреждения. Это он годами делал вид, что ты пустое место, а теперь, когда рядом появился Андрей, вдруг вспомнил, что ты есть. Это чистой воды ревность и желание всё испортить брату.

— Ты думаешь?

— Я в этом уверена! — Лена ткнула пальцем в воздух. — Он же видел, как вы с Андреем общаетесь, как он к тебе ходит домой. Для такого самовлюблённого придурка, как Артём, это плевок в его сторону. «Как это что-то, что могло быть моим, теперь крутится вокруг моего брата-ботана?». И вот он, бац, решил за столбить территорию. Самый примитивный способ.

Эля слушала, и кусочки пазла в голове начинали складываться. Да, это было на него похоже. Внезапно, импульсивно, грубо и эгоистично. Не от любви, а от желания всё контролировать, даже то, что ему, вроде бы, было не нужно.

— А что с Андреем? — спросила Елена. — Он видел?

— Видел, — прошептала Эля. — Стоял и смотрел.

— О боже... И что?

— Ничего. Просто смотрел. И ушёл. Это было... страшнее, чем если бы он устроил сцену.

Лена поморщилась.

— Да, с Андреем это хуже. Он ничего просто так не делает. Он всё в своей голове перемолотит, разложит по полочкам и вынесет вердикт. И этот вердикт будет тебе потом выдан, по ходу, когда ты меньше всего его ждёшь.

Они замолчали, глядя на огонь.

— Знаешь что, — вдруг решительно сказала Эля. — Хватит. Хватит с меня этих игр, этих выборов, этих взглядов. Я не игрушка, которую они могут перекидывать друг другу.

— Ура! Принцесса прозрела. — тихо воскликнула Елена.
— Проснулась наконец-то!

— И первым делом, — Эля встала, — я устала от ядовитых комментариев одной особы.

Как будто по сценарию, в этот момент мимо них, под руку

с Соней, проходила Ирен. Увидев Элю, она замедлила шаг и сладко улыбнулась:

— О, а наши звёздочки тут о чём шепчутся? Может, о внезапных... вспышках чувств?

— Ирен, — сказала она спокойно, глядя ей прямо в глаза. — Если тебе так интересна моя личная жизнь, может, стоит завести свою? А то как-то грустно наблюдать, как ты пялишься в чужие, когда своя, видимо, пустует. Артём, кстати, только что ушёл... от меня. Может, догонишь, поговоришь? Раз уж тебя так всё волнует.

Ирен остолбенела. Её улыбка сползла с лица, как маска. Она явно не ожидала такого прямого и ядовитого ответа.

— Ты... ты не представляешь, о чём говоришь, — процедила она сквозь зубы.

— О, представляю, — парировала Эля. — Представляю даже слишком хорошо. Поэтому советую тебе занять свою территорию, а не рыскать по чужим. Это, между прочим, признак слабости.

Не дожидаясь ответа, Эля развернулась и пошла прочь. Елена, догнав её, хихикнула:

— Боже, я никогда не видела, чтобы у Ирен такое лицо

было! Она сейчас лопнет от злости! Это было унижительно и гениально!

— Ну не зря я принцесса.

Они медленно пошли по тропинке к корпусу. Шум дискотеки остался позади. Впереди был тёмный, молчаливый корпус «А». И комната №4 на первом этаже.

— Что будешь делать с Андреем? — спросила Елена уже серьёзно.

— Ничего, — сказала Эля. — Мне нечего ему объяснять. Он не мой парень и не мой хранитель. И он не будет ставить меня перед каким-то выбором. Это моя жизнь.

Подойдя к крыльцу, она остановилась. Нащупала в кармане джинсов деревянную пуговицу. «НЕ ЛЕЗЬ В ЛЕС». Символ всех этих страхов, предупреждений, этой давящей тайны, которую ей пытались навязать. Она вытащила её и посмотрела на кривые буквы при свете фонаря. А потом, размахнувшись, швырнула её что есть силы в сторону леса, в ту самую тёмную полосу за запрещающим знаком. Пуговица бесшумно исчезла в черноте.

— Зачем? — удивилась Елена.

— Потому что я не собираюсь жить в страхе от какой-то дурацкой безделушки, — твёрдо сказала Эля. — И не собираюсь слушать ничьих страшилок. Лагерь — это лагерь. Лес — это лес. А я — это я. И свои решения я буду принимать

сама.

Они зашли в корпус. В холле было тихо. Дверь комнаты Андрея была закрыта. Ни звука. Эля поднялась на второй этаж, чувствуя необычайную лёгкость. Она сбросила с себя груз чужих ожиданий, чужих игр, чужих предупреждений.

Лёжа в кровати, уже почти засыпая, она слышала, как Елена ворочается на соседней кровати.

— Эль?

— М... ?

— А всё-таки... что насчёт Артёма? Что ты ему скажешь завтра?

Эля улыбнулась в темноте.

— Завтра будет видно.

Она закрыла глаза. Впервые за долгое время сон настигал её быстро и без кошмаров. Снаружи, из глубины леса, куда улетела пуговица, донёсся лёгкий, почти невесомый шелест, будто что-то подняло её с земли и унесло с собой. Но Эля этого уже не слышала. Она спала. Крепко и спокойно. Готовясь встретить новый день, в котором она наконец-то стала главной героиней своей собственной истории, а не пешкой в чужой игре.

Интерлюдия: Мысли Артёма после поцелуя

Вкус её губ всё ещё стоял во рту — сладкий от детского шампанского, которым угощали победителей. Артём нёсся сквозь толпу у костра, расталкивая локтями танцующих, но не видел никого. В груди горело, разрывая лёгкие на части. Он остановился только за штабным домиком, в полной темноте, упёрся лбом в холодное бревно и зарычал от бессилия.

«Идиот. Чёртов идиот. Что я сделал? Что я наделал?»

Почему не раньше? Почему не тогда, когда она смотрела на него на школьном дворе с этой своей гордой, недоступной улыбкой, а он проходил мимо с друзьями и делал вид, что она пустое место? Почему не тогда, когда она смеялась над его дурацкими шутками в компании, а он отворачивался, чтобы не выдать себя? Почему сейчас — на глазах у всех, на глазах у брата, подлым, вороватым поцелуем, который ничего не меняет?

Потому что он — трус.

Мысль ударила его под дых, как его собственный кулак, который он так любил пускать в ход. Он привык думать о себе как о смелом, дерзком, том, кто не боится ни драк, ни начальства, ни последствий. Но перед ней... перед ней он всегда был трусом. Тряпкой.

Сколько раз он репетировал этот разговор? Лёжа в своей кровати, глядя в потолок и слушая, как Андрей за стеной шелестит страницами своих дурацких книжек. Он представлял, как подходит к ней после уроков, берёт за руку и говорит: «Слушай, Эль, а пошли куда-нибудь? В кино, в парк, просто так...» И каждый раз внутренний голос, трусливый и мерзкий, нашёптывал: «А если она пошлёт тебя? Засмеёт при всех? Скажет, что с такими, как ты, не дружат?»

И он не шёл. Он отталкивал её ещё сильнее, огрызался, проходил мимо, делал вид, что она для него — пустое место. Чтобы она не догадалась. Чтобы никто не догадался, что этот дерзкий хулиган, Артём, на самом деле сохнет по принцессе из Роксель-Парка. Что он боится её больше, чем любой драки.

«Герой, блин».

Он ударил кулаком по бревну так, что содрал кожу на костяшках, и даже не почувствовал боли. Тело словно онемело, вся боль была внутри. Он вспомнил её лицо в тот момент, когда его губы коснулись её. Удивление. Да, сначала было удивление. А потом... потом она ответила. На секунду, на одно бесконечное мгновение, она ответила. И в этом ответе не было игры, не было желания досадить Андрею. Было что-то настоящее, отчаянное, то, что он так долго хотел увидеть.

А что теперь? Теперь он — тот, кто набросился на неё, как зверь, урвав момент. А она — та, кого он целовал, как последний раз в жизни. И всё это видел Андрей. И она те-

перь, наверное, думает, что он просто хотел утереть нос брату, пометить территорию.

«Она так и думает, — понял он с внезапной, леденящей ясностью. — Она думает, что я такой же, как все. Что я просто захотел то, что принадлежит другому. Что я не умею по-другому».

Он сполз по стене на корточки, спрятал лицо в ладони. Горло сдавило спазмом, которого он не позволял себе с самого детства. Ему было плевать, что кто-то мог увидеть его таким. Потому что впервые в жизни он не знал, что делать дальше. Сказать ей всё? Рассказать про годы этой дурацкой, тайной, съедающей изнутри любви? Признаться, что он был просто напуганным мальчишкой? После того, как он это сделал, это будет выглядеть как жалкое оправдание.

«Андрей. — Имя брата вспыхнуло в мозгу раскалённым клеймом. — Он видел. Он теперь будет знать. И будет использовать это. Он всегда использует всё».

Но странное дело — в этой мысли не было привычной ярости к брату. Была тупая, гнетущая усталость. Андрей, с его мозгами, наверняка уже всё просчитал. Наверняка уже понял, что это был не просто порыв. И будет давить. Только вот давить не на него, а на неё. Чтобы она сделала выбор. Чтобы загнать её в угол своей холодной логикой и своей... своей преданностью.

А он, Артём, чем ей поможет? Что он может дать, кроме своей злости и вечных проблем?

Из-за угла донеслись обрывки музыки и смех. Праздник жизни, который шёл без него. Он поднялся на ноги, чувствуя себя столетним стариком. Ладонь саднила, но он сжал её в кулак, позволяя боли отвлечь от того, что творилось внутри.

«Ты не заслужил её, — сказал он себе, глядя в пустоту перед собой. — Ты столько лет врал, притворялся, отталкивал. А теперь поздно. Теперь она сама выберет. И выбор этот будет не в твою пользу».

Он сделал шаг обратно к свету, к людям, к фальшивому веселью. Лицо его снова стало непроницаемой маской. Но внутри, под этой маской, впервые поселилась не злость, а холодная, тянущая пустота. Потому что он наконец-то понял: иногда самый большой страх — это не страх получить отказ. Это страх узнать, что ты сам всё испортил задолго до того, как решился признаться. И что этот приговор — окончательный и обжалованию не подлежит.

Глава 9

Артём так и не вернулся в корпус.

На рассвете, когда первые птицы только начали перекликаться, Эля услышала скрип входной двери внизу. Она подкралась к окну своей комнаты на втором этаже. В предрассветной сизой мгле она увидела, как из корпуса выходит Андрей. Он был одет в тёмные штаны и кофту. Он целенаправленно двинулся по тропинке, ведущей в лес, к тому самому запретному знаку «Экотропа».

Сердце Эли заколотилось. Она накинула первую попавшуюся кофту и, стараясь не скрипеть половицами, выскользнула из комнаты и спустилась вниз. Холл был пуст. Она вышла на улицу. Холодный утренний воздух обжёг лёгкие. Андрей уже скрылся за первым поворотом тропы. Эля, забыв про страх, побежала за ним.

Она шла не по тропе, а чуть в стороне, пробираясь между стволами, стараясь не шуметь. Лес в это время был странно безмолвен, будто затаив дыхание. Она шла минут десять, уже начала думать, что потеряла его, как вдруг услышала голоса. Глухие, прерывистые. Она пригнулась за толстый пенёк и заглянула в небольшую, скрытую от основной тропы ложбинку.

Там стояли Артём и Андрей.

Артём выглядел ужасно. Глаза красные, лицо осунувшееся.

еся, одежда в грязи и хвое. Казалось, он провёл в лесу всю ночь, слоняясь без цели.

— Где ты был? — спросил Андрей. Его голос был ровным, но в нём звучала сталь.

— Гулял, — хрипло ответил Артём. — Осваивал территорию. Твою территорию, что ли?

— Ты нарушил правило, — сказал Андрей, делая шаг вперёд. — И не только лагерное.

— Какое ещё правило, заучка? — Артём горько усмехнулся. — Правило, что Эльвира — твоя собственность? Твой маленький проект?

— Она под моей защитой, — холодно поправил Андрей. — А ты вчера нарушил границу. Не только физическую, зайдя в лес после отбоя. Ты нарушил договорённость. Ты внёс хаос.

— Договорённость? — Артём захохотал, и в смехе его слышались слова ярости и отчаяния. — Какую ещё договорённость? Ты что, с ней контракт подписал? Она живой человек, а не твоя библиотечная книга! И если она с кем-то целуется, то это её дело! Понимаешь? ЕЁ!

— Её наивность — её слабость, — невозмутимо продолжил Андрей. — А твоя импульсивность — твоя погибель. Ты думал, что этот... жест, что-то докажет? Это лишь подтвердило, что ты не способен мыслить стратегически. Ты действуешь, как животное, повинувшись сиюминутным порывам. А в этой игре так не выживают.

— Какая игра?! — взорвался Артём. — Ты о чём, вообще? О какой игре ты вечно говоришь?! Мы в лагере, блин! Не в твоих дурацких шахматах!

— Всё — игра, — тихо сказал Андрей. И в его тишине было больше угрозы, чем в крике брата. — Лагерь, лес, люди, чувства — всё поля и фигуры. И ты вчера сделал глупый, эмоциональный ход. И за это придётся ответить.

Артём, не выдержав, рванулся вперёд и с размаху толкнул Андрея в грудь.

— Отстань от меня со своей игрой! И от неё отстань!

Андрей отшатнулся, но не упал. На его лице впервые появилась эмоция — холодное, безжалостное раздражение.

— Физическое насилие. Примитивно. Ожидаемо от тебя. Артём, ослеплённый яростью, бросился на него с кулаками. И тут произошло то, чего Эля не ожидала. Андрей не

стал уворачиваться или драться в ответ как уличный боец. Его движения были резкими, точными, лишёнными лишней энергии. Поймал занесённую руку Артёма, резко вывернул её, заставив того вскрикнуть от боли, и толчком отбросил его на землю. Артём грузно рухнул на ковёр из прошлогодней хвои.

Он попытался подняться, но Андрей был уже над ним, прижимая коленом к земле.

— Видишь? — спокойно произнёс Андрей, даже не запыхавшись. — Твоя сила — грубая, неуправляемая. Моя — точная. Основанная на знании. Ты проиграл ещё до того, как начал.

— Отпусти! — хрипел Артём, пытаюсь вырваться.

— Я отпущу, — сказал Андрей. — Но сначала ты услышишь. Лес уже слышит. Он знает тебя теперь. Знает твой гнев, твою боль, твою слабость. И он всё помнит. Если ты ещё раз переступишь черту — не я буду тебя наказывать. Он. И его наказание будет куда страшнее.

Он с силой надавил коленом, заставив Артёма задохнуться, а потом резко отпустил и встал. Артём лежал, судорожно хватая ртом воздух, не в силах подняться. Не столько от боли, сколько от унижения и леденящего ужаса, который посеяли в нём слова брата.

— Возвращайся в лагерь, — сказал Андрей, отряхивая руки, будто стряхивая пыль. — Скажешь, что заблудился. Если запомнил дорогу. А если попробуешь рассказать про нашу беседу... ну, ты понял. Лес — ненадёжный свидетель. А твоё состояние спишет на испуг и дезориентацию.

Он развернулся и пошёл обратно к тропе. Пройдя мимо пня, за которым пряталась Эля, он на секунду остановился. Не глядя в её сторону, он произнёс так тихо, что она едва расслышала:

— Урок для двоих. Надеюсь, усвоен.

И скрылся среди деревьев.

Эля, окоченев от ужаса, смотрела, как Артём, рыча от боли и ярости, медленно поднимается на колени. Его лицо было искажено не только болью, но и чем-то сломанным внутри. Он что-то бормотал себе под нос, глядя в землю. Потом поднял голову и уставился в ту сторону, куда ушёл Андрей. В его взгляде не было прежнего вызова. Был животный, первобытный страх. И ненависть. Глубокая, бессильная ненависть.

Он не пошёл по тропе. Он пополз, а потом, спотыкаясь, побрёл глубже в лес, в противоположную сторону, будто пытаясь убежать от самого себя, от брата, от всего, что произошло.

Эля сидела за пнём, не в силах пошевелиться, пока холод не начал проникать до костей. Она только что увидела не драку. Она увидела демонстрацию силы. Холодной, рас-

чётливой, нечеловеческой. И поняла, что выброшенная пуговица и её вчерашнее решение быть независимой ничего не значили. Настоящие правила диктовал тот, кто знал лес и не боялся использовать его как оружие. И нарушение этих правил каралось не насмешкой или обидой.

Она тихо выбралась из своего укрытия и побежала обратно к лагерю, чувствуя, как ледяной ужас плетётся за ней по пятам, цепляется за одежду, шепчет на ухо голосом шелестящих листьев: «Усвоила урок? Усвоила?»

Корпус «А» был ещё пуст. Она влетела в свою комнату, заперла дверь и прислонилась к ней, пытаясь перевести дыхание. В окно било утро. Яркое, солнечное, лживое. В этом свете всё увиденное казалось кошмарным сном. Но царапины на её руках от веток и холод, намертво впившийся в сердце, говорили об обратном.

Артёма нашли позже. Спустя несколько часов. Спутанного, в разодранной одежде, с пустым, невидящим взглядом. И когда его увозили в больницу, Эля стояла в толпе и видела, как Андрей наблюдает за этим с крыльца корпуса. Его лицо было спокойным. Будто он просто наблюдал за логичным завершением эксперимента.

Он встретился с её взглядом и едва заметно кивнул. Не со злорадством. С удовлетворением учёного, чья гипотеза блестяще подтвердилась. Урок, действительно, был для двоих. И Эля поняла его суть слишком хорошо: в игре, которую затеял Андрей, неповиновение было смертельно опасно.

Глава 10

Артём вернулся в лагерь быстрее, чем кто-либо ожидал. Уже к вечеру следующего дня его привезли обратно на попутной машине лесников. Он был злой. Злость исходила от него волнами, плотными и едкими, как дым после пожара.

Медик в лагерном медпункте, осмотрев его, лишь развёл руками. Ссадины, пара синяков от падений, переохлаждение лёгкой степени — типичные последствия ночи, проведённой в лесу без подготовки. Психиатр из райцентра, выслушал историю о «заблудившемся подростке» и порекомендовал наблюдение, но не увидел причин для госпитализации. «Острая реакция на стресс, — сказали они. — Пусть отдохнёт в привычной среде».

Его вернули в корпус «А». И с этой минуты тишина в нём стала иного качества. Раньше это было затишье от страха и непонимания. Теперь это была тишина перед бурей, натянутая, как струна.

Артём смотрел сквозь людей, особенно сквозь Андрея. Его глаза были узкими щелями, из которых лился концентрированный яд ненависти, замешанной на унижении и животном страхе, который он яростно пытался подавить. Он не лежал пластом. Он двигался резко, отрывисто, будто его тело было переполнено невыплеснутой энергией удара, который он так и не смог нанести.

Ирен, увидев его, попыталась подойти со своим обычным ехидством:

— Ну что, путешественник, нагулялся? Лесные духи нам привет передавали?

Артём медленно повернул к ней голову. Он ничего не сказал. Просто посмотрел. И этого взгляда хватило, чтобы Ирен отшатнулась и замолчала, побледнев. В нём не было угрозы именно ей. В нём было обещание тотального разрушения всему, что встанет на пути. И она инстинктивно поняла, что сейчас лучше не нарываться на разгневанного Артёма.

Андрей встретил возвращение брата со своей обычной ледяной невозмутимостью. Он был в холле, когда Артёма провожали в комнату.

— Рад, что ты вернулся, — сказал он ровным голосом, будто комментируя погоду. — Правила корпуса, напомню, в силе. И расписание.

Артём остановился перед ним. Они стояли так близко, что, казалось, воздух между ними трещал от статики.

— Ты... — голос Артёма был низким, хриплым от холода и немой ярости. — Ты заплатишь. За всё. Ты понял меня? Ты не уйдёшь отсюда таким же.

— Угрозы — признак слабости, Артём, спокойнее надо быть, — ответил Андрей. — Не нарушай правила. Советую отдохнуть. Ты не в форме.

Он развернулся и ушёл в сторону кухни, оставив Артёма стоять посреди холла с сжатыми кулаками, дрожащими от бессильной злобы. Все присутствующие замерли, чувствуя, как напряжение сгущается до физически осязаемого.

Эля наблюдала за этой сценой со второго этажа, опершись о перила. Она видела не двух братьев, ссорящихся из-за нелепой обиды. Она видела двух противников на войне, правила которой знал только один. И этот один только что продемонстрировал, что даже открытая ярость и угрозы не могут его поколебать. Он был за своей броней логики, расчёта и чего-то ещё, чему она не могла дать имени. А Артём оставался снаружи — раненый, злой, опасный, но предсказуемый и, увы, проигрывающий.

Вечером того же дня, когда все разошлись по комнатам, Эля спустилась вниз за водой. В полумраке холла, у большого окна, она увидела Артёма. Он стоял, прижав лоб к холодному стеклу, и смотрел в чёрный квадрат ночного леса. Его плечи были напряжены, спина — прямая, как струна.

— Артём, — тихо позвала она.

Он не обернулся.

— Он говорил правду, — прошептал Артём, и его голос звучал глухо, будто из глубины колодца. — Про лес. Там... там не просто темно. Там слушают. И всё слышат.

Он наконец повернулся к ней. В тусклом свете дежурного фонаря его лицо выглядело измождённым.

— И он с ними на «ты». Понимаешь? Он не просто заучка. Он... не знай кто, связанный с этим лесом. Для чего-то. И ты теперь в центре этого. Из-за тебя всё.

«Из-за тебя». Слова прозвучали как обвинение, но в них не было злобы к ней. Была констатация страшного факта.

— Что мне делать? — вырвалось у Эли.

Артём горько усмехнулся.

— Беги. Если сможешь. Но я теперь думаю... — он снова посмотрел в окно, на лес. — ...что от него уже не убежать. Он выбрал тебя. И он своих не отпускает. А если попробуешь уйти... лес уже знает твой запах. И мой тоже.

Он оттолкнулся от подоконника и, не глядя на неё, пошёл в сторону своей комнаты. Дверь в №4 была приоткрыта. Из щели лился слабый свет и доносился мерный, механический звук — Андрей что-то писал, царапая ручкой по бумаге. Ар-

тём остановился перед дверью, сжал кулаки, всем телом демонстрируя желание вломиться туда и всё разнести. Но не сделал этого. Он словно уткнулся в невидимую стену. С глухим стоном ярости он развернулся и ушёл на крыльцо, хлопнув наружной дверью.

Эля осталась стоять одна в холле, между комнатой, где холодный разум строил свои планы, и дверью, за которой бушевала беспомощная ярость. И снова, как и в ночь после поцелуя, она почувствовала себя пешкой. Но теперь доска стала ещё страшнее, а игроки — ещё безжалостнее. И бежать было действительно некуда. Лес окружал лагерь со всех сторон.

Глава 11

Эля проснулась от чувства, что за окном кто-то есть. Не просто шорох или шелест, а присутствие. Множественное, тихое, но от этого ещё более зловещее.

Она осторожно подкралась к окну и замерла, вжавшись в стену рядом с рамой.

Лунный свет, пробивавшийся сквозь редкие облака, серебрил край поляны и первые ряды сосен. И по самой границе света и тени, прямо вдоль стены их корпуса, двигались фигуры.

Это были люди. Или то, что когда-то ими было. Дети и взрослые, мужчины и женщины. Они шли молча, друг за другом, медленной, неторопливой процессией. Их одежда была странной — не походной и не пионерской, а какой-то потрёпанной, вневременной, будто они вышли из разных эпох и собрались здесь.

Но больше всего пугали их движения. Они не шагали, а словно плыли, отрывая ноги от земли неестественно плавно и ставя их обратно с едва заметным, но отчётливым щелчком, будто суставы были туго скреплены. Руки висели вдоль тела неподвижно, головы были чуть наклонены вперёд, лица скрыты тенью. Ни шёпота, ни вдоха, ни звяканья. Только этот мерный, призрачный скрежет шагов и лёгкий шелест ткани по траве.

Эля насчитала семь фигур. Девочка в платье с оборками, мальчик в коротких штанишках, женщина в длинной юбке, двое подростков... Они не смотрели по сторонам, не поворачивали голов. Они просто шли. Мимо корпуса «А». Мимо неё. Их путь лежал вдоль всей границы лагеря, в сторону дальних лужаек.

Одним из последних шёл высокий мужчина в потёртом пиджаке. И когда он поравнялся с её окном, он медленно, с трудом, будто против воли всего своего тела, повернул голову. Лунный свет упал на его лицо. Оно было бледным, восковым, с закрытыми глазами. Но Эля почувствовала, как по её спине пробежали ледяные мурашки — ей показалось, что под тонкими веками он смотрит прямо на неё. Потом его голова с тем же механическим усилием вернулась в исходное положение, и он поплыл дальше, догоняя процессию.

Через несколько минут они скрылись в чаще, и ночь снова стала просто ночью. Но ощущение их холодного, безжизненного присутствия висело в воздухе, как морозный туман.

Эля отползла от окна и села на кровать. Это не было игрой воображения. Это были они. Пропавшие? Те самые, о которых говорили в легендах? Заблудившиеся и не нашедшие дороги назад? Или что-то худшее?

На следующее утро в лагере гудели. Несколько человек из корпусов «Б» и «В», чьи окна тоже выходили на лес, говорили о «ночных прогулках». Кто-то видел «бледных людей», кто-то слышал «тихие шаги». Вожатые, уже уставшие

от странностей «Долины Мира», списывали всё на коллективную внушаемость и усталость. «Ребята, вы друг у друга на нервы действуете! Кому-то померещилось, все подхватили».

Но за завтраком Эля видела, как Андрей внимательно слушал эти перешёптывания. Он не вмешивался, не комментировал. Он просто сидел, попивая чай, и его взгляд был отстранённым, аналитическим — как у учёного, наблюдающего за ходом предсказанного эксперимента. Он ждал, когда эти разговоры дойдут до него.

Артём, сидевший напротив, ел молча, уставившись в тарелку. Но его кулаки на столе были сжаты до белизны костяшек. Он тоже видел. Или слышал. И в отличие от других, он знал. Знает, что это не галлюцинация.

После завтрака Эля не выдержала. Она поймала Андрея, когда он выходил из столовой.

— Кто они? — выпалила она, опуская формальности. — Те, что ходили ночью?

Андрей остановился и посмотрел на неё. В его глазах не было удивления.

— Смотрящие, — тихо ответил он. — Те, кто когда-то не послушался правил. Кто решил, что запреты — для других. Они теперь — часть системы. Часовые. Они патрулируют границы, напоминая о цене любопытства.

— Они... живы? — прошептала Эля.

— Они — здесь, — уклончиво ответил Андрей. — Этого достаточно. Они не причинят вреда, если не нарушать порядок. Они лишь... обозначают территорию. И напоминают, что обратной дороги для них уже нет. — Он наклонился чуть ближе. — Ты ведь не хочешь к ним присоединиться, правда, Эля? Так что запомни: граница там, где мы её... договорились. И соблюдать её нужно неукоснительно. Иначе лес пополнится ещё одним безмолвным стражем. На этот раз, возможно, кем-то знакомым.

Он кивнул и пошёл прочь, оставив её с леденящим душу предупреждением. Эля обернулась и увидела, как за ней наблюдает Артём. Его лицо было искажено не страхом, а яростным, бессильным пониманием. И знал наверняка, с какими силами вступил в противостояние его брат. И какую цену может потребовать лес за очередную «провокацию».

Эля дождалась, когда Артём выйдет из столовой. Он шёл не спеша, в отличие от его обычной размашистой походки. Он выглядел... собранным. Его осанка была прямой, лицо задумчивым, почти спокойным. Только в глубине глаз, в их тёмной синеве, колыхалось что-то беспокойное, как подёрнутая рябью вода над глубокой впадиной.

Она нагнала его на тропинке к корпусу.

— Артём.

Он обернулся. Увидел её, и в его взгляде мелькнуло не удивление, а скорее — ожидание.

— Ты их видел? — спросила Эля прямо, опустив голос. Артём кивнул, один раз, коротко и твёрдо.

— Видел.

— И как ты...?

— Бегал от них по лесу, ночь, ничего толком не видно. Задел что-то ногой и упал, — перебил он её, голос ровный, без паники. — Споткнулся. Они окружили. Стояли молча. С закрытыми глазами. Шипели. Как змеи. — Он говорил отстранённо, как будто рассказывал чужую историю. — Думал, всё. Но тут раздался свист, как будто собаку хозяин позвал. Короткий. Как сигнал. Они застыли. Развернулись и ушли. Я встал и пытался выйти из леса, заблудился. Утром пришёл Андрей. Сказал: «Обход окончен. Возвращайся в лагерь». И всё.—Артём опустил подробности драки с братом, которую видела Эля своими глазами.

Он замолчал, и его задумчивый взгляд скользнул по её лицу, остановившись на губах. Эля почувствовала, как по её

коже пробежал лёгкий, предательский трепет. В его взгляде не было той прежней дерзкой жажды. Было что-то другое. Сильная, железная сдержанность, которую он раньше в себе показывал.

Его губы приоткрылись, будто он хотел что-то сказать, но слова застряли. Он сделал едва заметное движение в её сторону — не порывистое, а медленное, как будто преодолевая гравитацию. Воздух между ними сгустился, наполнившись невысказанным — воспоминанием о том поцелуе, о жажде, которая их свела.

Артём поднял руку. Чтобы провести пальцами по своему собственному виску, как будто смахивая навязчивую мысль.

— Нельзя, — сказал он тихо. Была усталая, кристальная ясность. — Он заключил со мной договор. Я не нарушаю его правил — они не трогают меня. Я не трогаю тебя — он не даёт им команды. Всё просто. — Он посмотрел на неё, и в его глазах на мгновение вспыхнула старая, знакомая искра. — Слишком просто, чтобы рисковать.

Он опустил руку и отступил на шаг, восстанавливая безопасную дистанцию.

— Так что держись подальше, Эля. От меня. Потому что я теперь — часть его системы. И если ты подойдёшь слишком близко... система сработает. И вряд ли я смогу уцелеть второй раз.

Он развернулся и пошёл к корпусу тем же медленным, уверенным шагом. Он не выглядел побеждённым. Он выглядел... принявшим правила. Самые страшные правила, которые только можно вообразить. И в этом холодном принятии было что-то куда более пугающее, чем любой испуг или ярость. Это означало, что игра изменилась. И что в новой игре Артём, возможно, только что сделал свой первый, самый важный ход — выйдя из неё, чтобы защититься. И, оставив Элю одну лицом к лицу с тем, кто эти правила, возможно, и написал.

Ярость кипела в Эле, горячая и слепая. Она увидела Андрея с крыльца корпуса — он сидел на скамейке у самого края поляны, у озера, спиной к лагерю, и что-то сосредоточенно писал в своём проклятом блокноте. Это спокойствие, эта отстранённость взбесили её окончательно.

Она сошла с тропинки и пошла прямо по мокрой от росы траве, не глядя под ноги. Подойдя к нему сзади, она схватила его за воротник футболки и дёрнула со всей силы.

Это выглядело нелепо и жалко. Андрей лишь слегка качнулся, даже не обернувшись сразу. Он был выше и крепче, её попытка выглядела как нападение котёнка на дога.

— Эльвира, — произнёс он спокойно, наконец отрываясь от записей. — Ты испортишь страницы. Здесь важные расчёты.

— Какие ещё расчёты?! — закричала она, отпуская его воротник и отступая на шаг. Её голос дрожал от негодования. — Ты что, совсем спятил?! Ты запрещаешь Артёму ко мне подходить? По какому праву? Кто ты такой вообще?!

Андрей медленно закрыл блокнот, сунул его в задний карман штанов и наконец повернулся к ней. На его лице не было ни гнева, ни раздражения. Была лишь едва уловимая, кривая усмешка в уголках губ, будто он наблюдал за интересным, но предсказуемым экспериментом.

— По праву старшего по корпусу, — начал он ровным тоном.

— Да пошёл ты со своим корпусом! Это не про правила! Это про личное! Ты ему нашептал какой-то бред про «систему» и «договор»! Ты натравил на него этих... этих своих ночных приятелей!

— Они не мои «приятели», — поправил он её. — Это объективная реальность данного места. Я лишь объяснил ему правила взаимодействия с ней. Для его же безопасности. И твоей.

— Моей? Моей безопасности?! — Эля фыркнула. — Ты запрещаешь твоему брату подходить ко мне из-за моей безопасности? Это же бред!

— Всё верно, — кивнул Андрей, как будто она произнесла неопровержимую истину. — Ему нельзя к тебе подходить. В особенности — после того поцелуя в классе физики.

Эля остолбенела. Она не ожидала, что он заговорит об этом так прямо.

— ...Что?

— Ты сама подошла. Ты сама поцеловала. После этого я, если ты помнишь, сказал: «Мы только начали». Я логично предположил, что это означает начало взаимоотношений. — Он говорил с ледяной, неопровержимой логикой, как будто доказывал теорему. — Ты стала моей девушкой. Следовательно, другие мужские особи, особенно те, кто проявлял к тебе ранее нездоровый интерес, должны держать дистанцию. Это базовые принципы социального взаимодействия. Артём нарушил их у костра. За что и понёс ответственность. Теперь он усвоил урок.

Эля смотрела на него, не веря своим ушам. В его голосе не было ревности, страсти или обиды. Была лишь холодная констатация фактов, выстроенных в безупречную, но абсолютно чудовищную конструкцию.

— Я... я твоя девушка? — она с трудом выдавила из себя. — Ты с ума сошёл! Это был просто... благодарственный

поцелуй! Подарок! За твою помощь!

— А мои чувства, что? — парировал он, и его глаза на мгновение стали твёрже. — Они константа. А твой поступок — переменная, которую я ввёл в уравнение. Уравнение приняло вид. Отменить его теперь нельзя. Только решать.

— Решать? Что решать?!

— Будущее. Наше с тобой. Здесь, в рамках правил этого места. Я предлагаю стабильность. Защиту. Знание. В обмен на твою лояльность и соблюдение оговорённых границ. — Он посмотрел на неё без тени насмешки, с какой-то странной, пугающей серьёзностью. — Артём предлагает хаос. Импульсивность. Которые в условиях «Долины Мира» равносильны самоубийству. Ты умная девушка. Выбор должен быть очевиден.

Эля отступила ещё на шаг. Её гнев сменился леденящим ужасом. Он не шутил. Он не манипулировал в привычном смысле. Он действительно видел мир как систему уравнений, а её — как переменную, которую нужно правильно вписать в свою формулу.

— Ты... ты ненормальный, — прошептала она.

— Нормальность — понятие относительное, — пожал он плечами. — Здесь, у леса, нормальны другие законы. Я их

понимаю. Поэтому я — самый нормальный человек в радиусе десяти километров. И самый безопасный для тебя.

Он вытащил блокнот из кармана, снова открыл его.

— Теперь, если твой эмоциональный выплеск закончен, у меня есть работа. График дежурств на следующую неделю требует оптимизации. — Он поднял на неё взгляд. — И, пожалуйста, впредь соблюдай дистанцию. Физические контакты без моего разрешения — тоже нарушение правил. Для твоей же безопасности, разумеется.

Он развернулся и снова уткнулся в блокнот, явно считая разговор исчерпанным. Эля стояла, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Он не просто угрожал. Он предлагал «делку». В его извращённой логике это была защита. А отказ... отказ означал войну не с ним, а со всей той тихой, шипящей реальностью, что бродила по лесу ночами и слушалась его приказа. Она была в ловушке чужого, ледяного рассудка.

Эля ворвалась в корпус «А» как ураган. Она проигнорировала испуганный взгляд Лейлы в холле и влетела в свою комнату на втором этаже. Елена как раз разбирала какие-то вещи, напевая что-то под нос.

— Ленусик! — выдохнула Эля, захлопывая дверь. — Ты не поверишь, что сейчас произошло!

Елена обернулась, и её глаза округлились от возбуждения. Она тут же уселась на кровать, готовая слушать самую соч-

ную сплетню смены. Эля, не в силах стоять, зашагала по комнате, жестикулируя, и выпалила всё. Про разговор с Артёмом. Про его странное спокойствие и «договор». Про свою ярость и выяснение отношений с Андреем у озера. И самое главное — про его чудовищную, ледяную логику, в которой она теперь была его «девушкой» по умолчанию, а Артём — опасным нарушителем границ.

Елена слушала, не перебивая, её лицо менялось от удивления к недоумению, а потом к какому-то странному, заинтересованному любопытству. Когда Эля закончила, выдохнув: «Он совсем спятил!», Лена медленно покачала головой.

— Вау, — прошептала она. — Я знала, что он странный, но не думала, что настолько... загадочный. Это как в книжке какого-нибудь психологического триллера. Ты в самом центре сюжета!

— Елен, это не сюжет! Это реальность! — почти закричала Эля. — Он договорился с лесом! С этими... ходячими! Он их свистом отзывает, как собак! И теперь он построил в голове какую-то схему, где я — его собственность!

— Ну, собственность — это сильно сказано, — задумчиво протянула Елена. — Скорее... ценный актив. Ключевая переменная в его уравнении, как он и говорит. — Она улыбнулась, видя отчаянный взгляд подруги. — Не кипятись! Я просто пытаюсь понять его логику. Она же железная, да? В своём роде. Если отбросить жуть и мораль, всё сходится.

— Какая разница, сходится или нет?! Мне от этого не легче! Что мне делать?

Елена замолчала, обдумывая. Потом её лицо озарилось хитрой, почти восторженной улыбкой.

— Я думаю... я знаю, как его усмирить.

— Как? — насторожилась Эля.

— Очень просто. Сыграть по его правилам. Но перевернуть их с ног на голову.

— Ты о чём?

— Он считает тебя своей девушкой, потому что ты его поцеловала, верно? И требует лояльности и соблюдения границ. Так дай ему это. Частично. — Лена подмигнула. — Стань для него... непредсказуемой переменной. Не той, что встала в нужную ячейку, а той, что ломает всё уравнение.

— Я уже ломаю! Я же на него наорала!

— Это эмоции. Это он просчитал. Он ждёт истерики, сопротивления, слез. А ты дай ему... холодный расчёт. Свой. Ты же не дурочка. Ты видишь, как он мыслит. Начни мыслить так же.

Эля смотрела на подругу, не понимая.

— Например? — неуверенно спросила она.

— Например... потребуй встречных условий. Ты говоришь, он предлагает «стабильность и защиту» в обмен на лояльность? Отлично. Скажи, что тебе нужны доказательства этой защиты. Конкретные. Не просто слова про ночных монстров. Что-то реальное, что докажет его силу и... полезность для тебя. — Глаза Елены блеснули азартом. — Скажи... не знаю... что тебя донимает Ирен своими намёками. И пусть он с ней «разберётся» по-своему, тихо и эффективно. Не угрозами, а так, чтобы она сама отстала. Если он действительно контролирует тут всё, это будет для него пара пустяков. А ты увидишь, на что он способен на самом деле. И сохранишь лицо — ты не сдалась, ты вступила в переговоры.

Идея была настолько безумной и опасной, что у Эли перехватило дыхание.

— Ты предлагаешь мне натравить его на Ирен?

— Я предлагаю тебе проверить его в деле и поставить его силу себе на службу, — поправила Елена. — И заодно — очертить свои границы. Ты же не будешь просто сидеть сложа руки. Ты поставишь условия. Скажешь: «Хорошо, Андрей, я принимаю твои правила. Но вот мои. Первое:

Ирен оставляет меня в покое. Второе: Артёму не причиняется вред, пока он сам не начнёт. Третье: я не твоя собственность, я — твой союзник на этих условиях. Не согласен — никакой сделки». — Лена выдохнула. — Он же логик. Он поймёт выгоду. Союзник надёжнее пленника. А ты... ты получишь передышку и время, чтобы понять, как со всем этим быть дальше. И главное — ты выйдешь из роли жертвы. Ты станешь игроком.

Эля молчала, обдумывая этот безумный план. Страшно? Безумно страшно. Играть в такие игры с тем, кто имеет власть над тем что в лесу... Но альтернатива была ещё страшнее: пассивно ждать, когда его ледяная логика окончательно заключит её в невидимую клетку. Или бунтовать и рисковать стать целью для тех, кто ходит в темноте.

Она посмотрела на Елену.

— А если... если он откажется? Или сделает что-то ужасное с Ирен?

— Тогда ты узнаешь его истинное лицо, — серьёзно сказала Лена. — И поймёшь, что имеешь дело с монстром. И будешь действовать соответственно. Бежать, рассказывать. Я не знаю. Но сейчас... сейчас у тебя есть шанс использовать его странность в своих интересах. Это как... приручить очень опасную, но умную змею. Только с помощью логики, а не флейты.

Эля глубоко вздохнула. Сердце бешено колотилось. План был безумным. Но он был планом. Действием. А не ожиданием.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Я попробую. Но если что-то пойдёт не так...

— Я с тобой, — тут же сказала Елена. — Мы обе будем в курсе. И если что... мы найдём способ. В конце концов, мы же «Косолапые». Только вперёд!

Она обняла подругу. Эля чувствовала, как дрожь в её руках немного утихает. Страх никуда не делся. Но к нему добавилось что-то ещё — острое, холодное любопытство и тень надежды. Может, Елена права? Может, единственный способ бороться с безумием — это принять его правила, а потом переписать их под себя? Предстоящий разговор с Андреем теперь казался не просто конфронтацией. Это был первый ход в новой, смертельно опасной партии. И на этот раз она не собиралась быть просто пешкой.

Эля не стала ждать. Адреналин и решимость, подогретые словами Елены, ещё кипели в крови. Она вышла из корпуса и увидела Андрея на том же месте у озера. Он сидел, устремив взгляд на воду, его поза была собранной и безмятежной.

Она подошла прямо к нему.

— Андрей. Нам нужно поговорить.

Он медленно перевёл на неё взгляд. — Говори.

— Ты предлагаешь сделку. Защиту и стабильность в обмен на мою лояльность.

— Корректно, — кивнул он.

— Хорошо. Я готова её рассмотреть. Но на моих условиях. — Эля выдохнула и начала загибать пальцы. — Первое. Ирен отстаёт от меня. Полностью и навсегда.

Андрей чуть склонил голову.

— Ликвидация источника психологического дискомфорта. Выполнимо. Второе?

— Второе. Артёму не причиняется вред. Он получает такую же защиту, как я, если даст слово не нарушать твои правила.

— Нестабильный фактор, — заметил Андрей, — но управляемый при должном контроле. Принято, при условии его согласия.

— Я с ним поговорю, — быстро сказала Эля.

— Не рекомендую личных бесед. Я передам условия через нейтральный канал, — парировал Андрей. — Следующий пункт?

Эля собралась с духом.

— Третье. Я — не твоя девушка. Я — твой союзник. Мы сотрудничаем на равных в рамках этих правил.

Андрей смотрел на неё долго и пристально. Казалось, он сканировал её на предмет скрытых мотивов. Наконец, он медленно покачал головой. Лёгкая, почти невидимая улыбка тронула его губы.

— Союзники, Эля? Союзники мне не нужны.

Эля замерла. — Что?

— Союзники — это переменные, которые могут изменить значение в любой момент. Они вносят хаос. Мне нужна... константа. — Он посмотрел на неё прямо, и в его обычно ледяных глазах вспыхнуло что-то тёплое, странное и пугающее. — Я согласен на твои первые два условия. Но третий — меняю.

Он встал, сократив дистанцию. Эля невольно отступила на шаг.

— Я согласен на всё, в случае, если ты согласна быть моей девушкой. А не предлагаемым тобой союзником. И вести себя, как моя девушка. — Его голос был тихим, но в нём не было привычной безэмоциональности. В нём была... жажда. — И чтобы ты ответила мне честно на один вопрос, прежде чем дашь ответ.

Он сделал паузу, и воздух между ними стал густым и тяжёлым.

— Когда ты меня поцеловала в классе физики... или вообще когда-нибудь рядом со мной... в тебе просыпались ко мне какие-нибудь чувства? Хотя бы намёк на что-то... приятное? Не из благодарности. А просто так.

Вопрос повис в воздухе, неожиданный и острый, как лезвие. Эля растерялась. Она ждала логики, расчёта, торга. А не этого — сырого, человеческого, уязвимого вопроса из самых глубин его странной души.

Он ждал ответа, не отводя взгляда.

Эля почувствовала, как комок подкатывает к горлу. Она вспомнила моменты: его увлечённые рассказы, его сосредоточенный профиль у окна, странное спокойствие, которое он дарил, даже его пугающую, но искреннюю заботу. Да, были моменты, когда он не казался ботаном. Он казался... интересным. Глубоким. И даже привлекательным в своей странности. Но это было не то чувство, которое она испытывала к

Артёму. Это было что-то другое. Сложное. Запутанное страхом и непониманием.

— Я... — начала она, запинаясь. — Не знаю, Андрей. Были моменты, когда ты... не был мне неприятен. Когда было интересно. Но...

— Но этого недостаточно, — закончил он за неё, и в его глазах на секунду мелькнула тень той самой боли, которую он так тщательно хоронил под слоями логики. Он отступил, и его лицо снова стало маской. — Тогда моё встречное предложение отклонено. Союз невозможен. И, следовательно, остальные условия теряют смысл.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Подожди! — вырвалось у Эли. — А что с... четвёртым пунктом? Я хотела...

Он обернулся, и его взгляд снова стал ледяным и всевидящим.

— Четвёртый пункт? Это визит к патрулю? — он слегка поднял брови. — Это было условие для союзника. Для того, чтобы получить доступ к элементам системы, нужно быть частью системы. На своих условиях. Ты отказалась от моих. Следовательно, доступ закрыт. Подумай ещё раз, Эля. Но недолго. Статус «чужого» здесь — самый опасный из всех.

Он ушёл, оставив Элю в полной растерянности. Её хитрый план разбился о простую, жуткую человеческую правду: Андрею не нужны были союзники. Ему нужна была любовь. Или хотя бы её видимость, встроенная в его больную, но чёткую систему. Лес, со своими безмолвными стражами, ждал за спиной, дыша ледяным, сладковатым запахом хвои и вечной темноты.

Возвращаясь в корпус, Эля чувствовала себя так, будто прошла через мясорубку. Мысли путались, от холодной ясности Андрея остался лишь неприятный осадок и леденящее осознание тупика. Она толкнула дверь и замерла на пороге.

В холле, у подножия лестницы, стояли Артём и Андрей. Они не дрались, не спорили. Они просто стояли друг напротив друга, и напряжение между ними было настолько плотным, что казалось, его можно потрогать. Артём стоял, скрестив руки, с тем же новым, задумчивым и злым выражением. Андрей — в своей обычной бесстрастной позе, но его взгляд был пристальным, оценивающим.

Когда дверь открылась, они оба, как по команде, повернули головы и посмотрели на неё. Взгляды были разными: у Артёма — быстрая, сложная вспышка (злость, досада, что-то ещё), у Андрея — холодный, безразличный аналитический взгляд, будто он видел в ней только переменную, которая не вписалась в уравнение. Но в этом синхронном повороте голов было что-то жуткое. Будто они только что говорили о

ней. Или мерились, кому она теперь «принадлежит» в этой их извращённой системе отсчёта.

Эля сглотнула комок в горле, проигнорировала их и быстро прошла мимо, устремившись к лестнице. Она чувствовала их взгляды на своей спине. В своей комнате её ждала Елена, которая что-то искала в шкафу.

— Елен, идём гулять, — бросила Эля, не здороваясь.

Тон её голоса заставил Елену тут же обернуться.

— Что случилось? Ты как после похорон.

— Сейчас расскажу. Просто... выйдем отсюда.

Они вышли на улицу и пошли по главной аллее, подальше от корпуса «А». Только когда за спиной остались другие корпуса и весёлые крики ребят у спортивной площадки, Эля выдохнула и выложила подруге всё: свой ультиматум, встречное предложение Андрея и его жуткий, уязвимый вопрос.

Елена слушала, широко раскрыв глаза, и время от времени ахала.

— Офигеть, — прошептала она, когда Эля закончила. — Он прямо... предложил тебе встречаться. Взамен на защиту. Это как... средневековый брак по расчёту, только с лесными призраками вместо приданого.

— Это не смешно, Лен, — мрачно сказала Эля. — Он ненормальный.

— Ну да, ненормальный! — воскликнула Елена, но в её голосе звучало не осуждение, а какое-то странное восхищение. — Конечно, не сказка. Больше на хоррор смахивает. Но, понимаешь... — она остановилась и взяла Элю за руку. — Он же не страшнее Артёма. По-своему. Артём может врезать, нахамить, поступить как эгоистичный козёл. Андрей... он не ударит. Он просто построит вокруг тебя невидимую тюрьму из правил, где всё будет «для твоей же безопасности». И будет искренне считать, что делает тебе хорошо. В этом, по-моему, даже есть что-то... романтическое. В своём извращённом ключе.

— Романтическое?! — Эля вырвала руку. — Ты слышишь себя?

— Слышу! — парировала Елена. — И я вижу, как на него смотрят другие девчонки в лагере. Не шарахаются. Засматриваются. Высокий, умный, загадочный, лицо ничего так... если бы не эти его «тараканы», за ним бы очередь выстраивалась. А ты... — она вздохнула с преувеличенным сожалением, — ...ты, как всегда, раздолбаев любишь. Ярких, дерзких, которые потом делают тебе больно. А тут предлагают стабильность, безопасность и... ну ладно, не любовь в классическом понимании, а какую-то свою, дикую преданность.

И ты отказываешься!

— Он хочет, чтобы я притворялась! Чтобы я вела себя, как его девушка, без всяких чувств!

— А что, нельзя попробовать? — Елена развела руками. — Могла бы и потерпеть! Сказать «да», получить защиту для себя и Артёма, посмотреть на его «патруль», а там... мало ли. Может, привыкнешь. Может, и правда что-то проснётся. А если нет — всегда можно будет... ну, я не знаю, сбежать, когда лагерь кончится. Но сейчас-то здесь, в этой дыре, он — царь и бог. И ты только что отказалась от самого надёжного щита в этом королевстве.

Эля молчала, глядя под ноги. Безумная логика Елены имела какой-то извращённый смысл. Это был практичный, почти циничный подход. Но внутри всё сжималось от отвращения. Притворяться? Целовать его, держать за руку, делать вид, что она счастлива, зная, что он свистит в лес, чтобы отозвать призраков? Это казалось хуже любого открытого противостояния.

— Я не могу, — тихо сказала она. — Это будет ложь. А он... он почувствует.

— Ну, может, и почувствует, — пожала плечами Елена. — Но, может, ему будет достаточно и видимости. Он же сам просил хотя бы «намёка» на что-то приятное. Значит, понимает, что полной взаимности нет. Он готов на крохи. А ты

даже крох дать не хочешь.

Они дошли до озера и сели на ту самую скамейку, где недавно сидел Андрей.

— Что же теперь? — спросила Эля, чувствуя себя потерянной.

— Теперь, — вздохнула Елена, — ты в статусе «чужой». Как он и сказал. И надо надеяться, что Ирен сама как-нибудь отвяжется, Артём не нарвётся на неприятности, а ночные прогулки обойдут наш корпус стороной. Иначе... — она кивнула в сторону тёмного леса, — ...иначе тебе останется только бежать к нему и соглашаться на любые условия. Потому что воевать с лесом, который слушается его, у тебя никаких шансов. Ты же не лесная фея.

Они сидели молча, глядя на воду. Солнце уже клонилось к вершинам сосен, отбрасывая длинные тени. Вечерело. А ночь в «Долине Мира» была уже не просто темной. Она была полем действий для сил, хозяина которых Эля только что отвергла. И теперь ей предстояло провести эту ночь в ожидании. В ожидании, не станет ли она следующей, кого утром найдут бледной и молчаливой, или следующей, кто присоединится к безмолвной процессии, бродящей по краю света между лагерем и вечностью.

Придя с закатом в комнату, девочки замерли на пороге. На

каждой тумбочке у кровати аккуратно стояли одноразовые контейнеры из столовой. Внутри — котлеты, пюре, салат, даже пара пирожков. Всё свежее, ещё тёплое. Рядом с контейнером Эли лежала сложенная пополам записка. Без подписи, ровным, узнаваемым почерком: «Вы пропустили ужин».

— О-о-ой! — протянула Елена, хлопая в ладоши. — Смотри какой он, заботливый! Угадал, что мы не пошли! И еду принёс! А, может, даже специально попросил на кухне!

— Может, это не он, — без особой веры в голосе сказала Эля, но сердце ёкнуло.

— А кто ещё? — фыркнула Елена. — Ирен? Она бы крысиный яд подмешала. Кирилл с Максом? Они бы сами всё сожрали. Это он. Твой «ненормальный». Демонстрирует заботу. Это ж часть его «условий»! Обеспечивает безопасность и базовые потребности. Чётко по пунктам.

Эля молча взяла записку. Ничего лишнего. Ни намёка на эмоции. Констатация факта и действие. Ужасающе логично. И от этого ещё более жутко. Она машинально открыла контейнер. Пахло столовской едой. Но есть почему-то не хотелось.

Пока Елена с восторгом уплетала свой ужин и продолжала расписывать «скрытые плюсы» отношений с Андреем («Представляешь, тебе никогда не придётся думать, что поесть! Он всё рассчитает по калориям и БЖУ!»), Эля сидела

на кровати и смотрела в окно на темнеющий лес.

Примерно через двадцать минут в дверь постучали. На пороге стоял Макс, один из дружков Артёма. Выглядел он немного не в своей тарелке.

— Э... привет. Мы тут в холле... правду или действие со-
брались. Кирилл, Лейла, я... Артём тоже подошёл. И... Ан-
дрей, — он как-то странно ковырнул носом, произнося по-
следнее имя. — Играем. Приходите, если хотите.

Елена тут же вскочила, сметая крошки.

— Конечно идём! Правда или действие — это же класси-
ка! Пошли, Эль, развеемся!

Эля не хотела. Мысль сидеть в одной комнате с обоими
братьями, которые сейчас находились в каком-то хрупком,
зловещем перемирии, вызывала недомогание. Но сидеть од-
ной в комнате с призрачным ужином от Андрея было ещё
страшнее. Она кивнула и, вздохнув, поплелась за Максом.

В холле первого этажа, на полу, на разбросанных подуш-
ках, уже сидели: Кирилл, Лейла, Артём и Андрей. Артём си-
дел спиной к окну, поджав ноги, и смотрел в пол. Андрей
сидел напротив, в идеально прямой позе, как будто на дело-
вых переговорах. Между ними была ощутимая пустота.

— О, наши прекрасные дамы! — крикнул Кирилл, явно
уже чем-то разогретый. — Садитесь, начинаем! Бутылка уже
крутится!

Елена уселась рядом с Лейлой, Эля — чуть в стороне, между Еленой и пустым пространством. На полу стояла пустая бутылка. Кирилл крутанул её.

Бутылка, пошатавшись, указала на Лейлу.

— Окей, Лейла, правда или действие? — спросил Кирилл.

— Правда, — тихо сказала Лейла.

— Кого в нашем корпусе считаешь самым странным?

Лейла покраснела, её взгляд метнулся к Андрею, потом к Артёму.

— Э... всех по-своему, — выдавила она.

— Не катит! Конкретно! — засмеялся Кирилл.

— Кирилла, — быстро сказала Лейла, глядя на него. Все засмеялись, Кирилл скорчил обиженную гримасу.

Следующий ход — бутылка указала на Макса. Он выбрал действие. Кирилл заставил его спеть куплет гимна с пафосом оперного певца. Получилось дурашливо, напряжение немного спало.

Потом бутылка указала на Артёма. Все затихли.

— Правда, — хрипло сказал он, не глядя ни на кого.

Вопрос задал Кирилл, но было видно, что он нервничает.

— Ты... э... в лесу той ночью. Что самое страшное увидел?

Артём медленно поднял голову. Его взгляд встретился со взглядом Андрея, сидевшего напротив. В воздухе снова запахло статикой.

— Что они с закрытыми глазами видят лучше, чем мы с открытыми, — отчеканил Артём. Ответ повис в тишине. Никто не засмеялся.

Бутылку крутанул Андрей. Его движение было точным, почти механическим. Бутылка остановилась на Эле.

Все посмотрели на неё.

— Правда или действие, Эльвира? — спросил Андрей. Его голос был ровным, без намёка на что-либо.

— Правда, — сказала Эля, чувствуя, как у неё вспотели ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.